

Андрей Лазарчук

Кесаревна Отрада между славой и смертью

— Это будет ужас, какого ты ещё не знала. Твое мужество станет разменной монетой, ты будешь платить, платить, платить — и однажды сунешь руку в карман, а там пусто... Вот тогда оно наконец и придёт — настоящее мужество.

Джон ле Карре

Книга первая

*Глаза их прозрели,
да только прозрели для тьмы...*

Н. Матвеева

Пролог

Приблизительно в одно и то же время на свете произошли два малозначительных события: у второкурсницы педагогического училища имени Макаренко Санечки Грязновой в уголке левого глаза появилась золотая точка, а под отважником Алексеем Пактовием по прозвищу «Ушан» пала

лошадь, кобыла-семилетка Силень, и теперь он, тихо матерясь, брёл через редкий тонкий лес где по колено, а где и по пояс в снегу, мокрый и жаркий, поглядывая изредка на морозное солнышко, висящее совсем низко над сизыми горками Христопразы. Следовало ехать дорогой, теперь это было ясно, но павшая кобыла прекрасно умела ходить по глубокому снегу, высоко поднимая ноги и вынося их вперёд, дорога напрямик была впятеро короче, а вода в зимней реке, как ошибочно думал Алексей, была бы кобыле чуть выше бабок. При добром ходе дел он добирался к цели ещё до заката — дорожной же петлей поспевал едва ли к петухам. Но воды неожиданно оказалось кобыле по грудь, да и поскользнулась она, карабкаясь на заберег, и окунулась с головой... это ли было причиной, другое ли — но через два часа, выбравшись из глубокой речной долины, Силень вдруг тихонько вскрикнула и ткнулась мордой в снег, Алексей подумал: споткнулась... Теперь он сам таранил снег, опираясь на толстый свежесрубленный посох, и знал, что никак не успеет до темноты. А Санечка тем временем закончила чистить солёную горбушу, завернула голову, шкуру и кости в газету и понесла выбрасывать в мусоропровод. Она была чистюля и брезгуша — в отличие от соседок по комнате, двух Валюх, Сорочинской и Чижик. Сегодня был последний день сессии, завтра все

разъезжались на каникулы по домам, и Санечка оставалась одна на всё общежитие, потому что с некоторых пор ей стало просто некуда ехать. На кухне толстая Даша Просьяник жарила картошку на подсолнечном масле. Санька, хочешь? — она подцепила на вилку несколько золотистых ломтиков. Или фигуру бережешь? Спасибо, засмеялась Санечка, пальцами снимая ломтик и отправляя в рот. Картошка у Даши почему-то всегда получалась исключительно вкусной.

Завтра в это время Дашка будет дома, подумала Санечка без всякого выражения.

Повоевав с тупым и упрямым мусоропроводом, Санечка сунула в его покривившуюся беззубую пасть мусорный свёрток и пошла мыть руки. Зеркало над умывальником было давно разбито; и хотя тонкая косая трещина сама по себе не так уж и бросалась в глаза, но в отражения лиц она вносила что-то зловещее. Верхний левый угол, откуда трещина шла, был туманно-тёмен.

Когда Санечка вернулась в комнату, обе Вали-Птицы уже вернулись. Они принесли с собой запах снега, пакет с апельсинами и две бутылки дешёвого вина «Пино». После недавних случаев очень тяжёлых отравлений поддельной водкой директор Морис Николаевич под страхом немедленного исключения водку в общежитии

запретил; на вино же администрация традиционно смотрела сквозь пальцы.

Алексей на минуту остановился, отцепил от пояса фляжку с можжевелевой настойкой, сдобренной мёдом и душистым белым корнем, и сделал три глотка. Солнце вот-вот должно было коснуться далёкого склона, а идти, по самым смелым расчётам, предстояло ещё часа два — два с половиной. Безостановочно. И если ничего не случится.

Было очень тихо.

Птицы быстро раскидали снедь по столу и побежали торопить гостей, а Санечка подошла к окну, отодвинула с подоконника старый свитер и утеплённые джинсы Чижика — и стала смотреть вдаль. От батареи тянуло жаром, от стекла тёк вниз чуть влажный холод. Общежитие, как и само училище, располагалось на самом краю многоэтажной застройки, дальше начиналась железнодорожная слободка: поставленные на косогоре ещё во время войны двухэтажные бараки, совершенно чёрные, и частные дома, местами вполне приличные и даже завидные, но в большинстве маленькие, с провалившимися дощатыми крышами, с неровными заборами и захламленными дворами. Кварталы барачников назывались «Париж», всё остальное — Ильинка. Парни из Парижа и Ильинки издавна цапались

между собой, и не в последнюю очередь — за студенток педучилища. Из-за этой вражды на первом этаже общежития уже лет десять дежурил милиционер. Но в последнее время появилась третья сила, зародившаяся где-то во мраке многоэтажек, и силы этой побаивались старомодные парижане и ильинские. Хотя и старались держать фасон...

Розовое солнце, неожиданно маленькое на закате, садилось между двух прямых серо-голубых столбов дыма, поднимающихся из печных труб близких барачков. Почему-то от этой картины хотелось поёжиться, передёрнуть плечами... Санечка так и сделала — и вдруг чихнула. Чихая, она зажмурила глаза. И при зажмуренных глазах она продолжала видеть солнце, столбы дыма, переплёт окна: навыворот, как на фотоплёнке: светлая рама, тёмное небо... но солнце оставалось светлым, только не розовым, а яростно-лиловым, словно огонёк электросварки. Это было неправильно... она широко распахнула глаза — огонёк оставался. Он был теперь как запятая с очень длинным хвостиком. И эта запятая пылала всё ярче и ярче...

Вдруг стало страшно. Алексей на какой-то миг испытал чувство полной потерянности. Где он? Что он здесь делает? И — кто он? Несколько лет назад, заразившись болотной лихорадкой, он в

бреду видел себя маленьким мальчиком, стоящим босиком посреди бескрайней заснеженной степи. Вокруг был нетронутый снег... и его собственные следы начинались в полушаге. Он не знал, кто он есть и что видит вокруг. И сейчас он остановился, огляделся... тонкие деревья стояли кругом, объятые синеющим инеем... розовое небо с тёмно-голубым переливом обещало скорую ночь, и первая звезда уже горела над головой. Внутреннее чувство говорило ему, что идти осталось поболее часа, но поменее двух... просто сил на этот час уже могло и не хватить...

Когда Птицы влетели, Санечка встретила их в испуге. Левый глаз она зажимала ладошкой, правый был широко раскрыт. Девки, выдохнула она, я ослепла... я ничего не вижу... Неистовый свет, бушующий где-то внутри глаза, пережигал всё, и она с трудом различала лишь контуры предметов.

Началась суета. Чижик убежала искать дежурного преподавателя, а Сорочинская открыла форточку, сгребла с рамы ком инея, обильно над форточкой выросшего, завернула его в платок и приложила Санечке к глазу. Когда Чижик вернулась, буквально волоча за собой военрука Кузьму Васильевича, первый приступ паники у Сани уже прошёл. Ну, что я? — вздохнул Кузьма Васильевич, присаживаясь рядом. Тут доктор нужен. Беги, Валентина, вызывай скорую... Ничего

не пила, Александра? никакой тормозухи? Шучу, шучу, ты не пьёшь, я знаю... Не бойся, не дрожи, вон моя соседка... — и он рассказал про соседку, которая сначала вообще ничего не видела, потом после операции стала носить очки с толстыми стёклами, а теперь и их не носит и вообще замуж собралась в пятьдесят шесть лет. Скорая приехала через полчаса. Кузьма Васильевич деликатно вышел. Докторша была простужена, разговаривала, не убирая от носа марлевой тряпочки. Не пила? По глазу не ударяли? Раньше такого не было? Надо ехать... Ей налили чашку горячего сладкого чая, она пила с жадностью, пока Санечка собиралась, путаясь в одежде. Вернулся Кузьма Васильевич, уже в шинели и ушанке, осадил Птиц: нечего вам по темноте шариться. Глазная больница была на противоположном краю города, на машине почти час езды, да ещё неизвестно, сколько предстоит пробыть там. Внутри машины, защитного цвета «уазике» с большими цифрами «03» на боку, было тепло. Докторша уложила Санечку на застеленные серым одеялом носилки, неожиданно улыбнулась: всё обойдётся. Лампочку в салоне погасили, машина тронулась. Пламя, пылающее в глазу, будто бы пошло на убыль. Или Санечка начала к нему привыкать. Тёмный силуэт Кузьмы Васильевича, неподвижно сидящего рядом, иногда удалялся в бесконечность, разрастаясь до размеров горы или

планеты. В эти секунды Сане хотелось ухватиться за что-нибудь, потому что сама она оказывалась висящей без опоры посреди серой пустоты.

Когда под ноги вильнула обледеневшая тропа, Алексей не удивился и не обрадовался, как не радуются обязательному и не удивляются неперемennomу. Тропа должна была появиться, и вот она появилась. Ноги пошли по ней сами: чуть под гору, направо... тропа вела по дну неглубокой ложбины, достаточной, впрочем, для того, чтобы пешему видны были лишь края её да путь до поворота. Бревенчатый мостик открылся внезапно, еле видимый в свете низкой красноватой луны. За мостиком темнели ворота.

Масляный фонарь горел над воротами, очерчивая жёлтый круг на истоптанном снегу.

Алексей ударил в ворота посохом. Звук был как от тычка в подушку. Он с трудом опростал руки и заколотил по дубовым плахам кулаком. Потом локтем. Потом — обухом топора. Его уже вели, подхватив под локти, а он всё ещё мучительно думал, каким бы способом извлечь звуки из так некстати онемевшего дерева...

Потом он как-то сразу оказался в бане. Этериарх стражи Мечислав Урбасиан вылил на него, распаренного, кадку ледяной воды и сам по-богатырски завопил от восторга. Служанки-парильщицы, на которых попали брызги,

отскочили, весело повизгивая. Алексей приподнялся и встряхнулся, как пёс. Он вновь был жив и силён.

В прохладе предбанника все укутались пушистыми простынями и возлегли у низкого стола. В витом подсвечнике горели три свечи. Служанки разлили горячее красное вино — по обычаю, в грубые каменные кубки. Слив через край несколько капель для банных духов, Алексей выпил вино и закрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям. Аромат был превосходен. Жидкое тепло заполнило желудок и стало небыстро распространяться по телу: к спине, потом вверх и вниз по позвоночнику... Это было восхитительно.

Выждав приличествующий срок, Алексей открыл глаза. Этериарх уже смотрел на него. Служанки ещё раз наполнили кубки и тихо удалились.

— Кесарь прочёл письмо, — сказал Мечислав. — Он велел спросить: насколько ты сам веришь этому сообщению?

— Мне хотелось бы не верить, — Алексей стал смотреть на огоньки свечей. — Больше всего на свете мне хотелось бы думать, что я ошибаюсь... и что... пославший меня... тоже ошибается.

— Понятно, — сказал Мечислав. — Мне охота расспросить тебя подробно, но лучше ты всё расскажешь кесарю. Я буду при разговоре.

Коридоры глазной больницы были тёмны и узки. Днём, наверное, работали все эти кабинеты — но сейчас оставался только один дежурный, и перед дверью, из-под которой сочился стерильный обесцвеченный свет, сидели три человека. Докторша на минуту заглянула в кабинет, о чём-то там поговорила и, сказав: ждите, позовут, — неровно зацокала к выходу. Видимо, на одном сапоге её была металлическая набойка, а от второго набойка отвалилась.

Вышла медсестра, записала Саню в журнал, потом капнула ей в глаз холодные капли.

— У меня проходит... — вдруг удивилась Саня.

И действительно: пламя уже не бушевало, и лиловая запятая всё так же висела чуть сбоку, сияла — но в этом сиянии люди и предметы не терялись, не пропадали. Страх разжал свои тонкие холодные пальцы...

— Это хорошо, — сказал кесарь, глядя на Алексея исподлобья. — Хоть кто-то в чём-то берётся быть уверенным...

— Государь, — Алексей старался говорить ровно. — Мне отвести глаза трудно. Очень трудно. Старец Филадельф учил меня долго и всерьёз. Но он никогда не говорил, что есть на свете хоть один человек, которому невозможно отвести глаза. Поэтому я и говорю: да, я видел эти бесчисленные

остовы кораблей. Но есть ли они там на самом деле...

— Тривимий утверждает, что есть, — негромко произнёс кесарь. — Ты видел их. Наконец, наш друг, — он положил руку на шёлковый платок, испещрённый крошечными значками, — даёт знать, что в Степи поднимается новая волна... Ты знаком с посланием, Пактовий?

— Я выучил его наизусть, — сказал Алексей. — На случай... на всякий случай. Но я не знаю языка гиппонов.

Гиппонами, всадниками, звали одно небольшое племя степняков, не признающих над собой царской власти и продолжающих жить по обычаю предков. Из них получались хорошие шпионы.

— Думаю, тебе можно узнать, о чём идёт здесь речь... Шесть лет назад, как ты знаешь, степняки избрали себе нового царя. Авенезера Четвёртого. И вот недавно будто бы выяснилось, что окаянный Авенезер Третий не умер от «болезни царей», а тайно бежал в дальние кочевья в сопровождении нескольких верных жрецов. Теперь он объявил себя и идёт возвращать себе двор и корону. Кто такой Авенезер Третий, мы все ещё помним...

— Самозванец, — сказал с дальнего конца стола Мечислав.

— Не уверен, — покачал головой кесарь. — Во всяком случае, наш друг утверждает, что жрецы, которые с ним, — те же самые, что и шесть лет назад... Но всё это было бы не так уж страшно. Похоже, однако, что в помощь себе они разбудили Мардонотавра...

— Это невозможно, — выдохнул Алексей. — Филадельф запечатал его гробы...

— Разбудили, — повторил кесарь. — И ты не слушаешь меня, Пактовий. Сам Мардонотавр... не важен. Но важно то, что жрецы сумели его разбудить. Значит, они смогут и другое...

— Нет, я слушаю, — сказала Саня. — Две недели не читать, телевизор не смотреть, шампанского не пить, тяжестей не поднимать... короче, не жить. Капли... да. И на уколы. Я всё слышала.

— Девочка, это глаза, — сказал окулист. — Они одни на всю жизнь, других у тебя не будет.

— Не будет, — согласилась Саня. — Я потому так и перепугалась сегодня. Только вот пока ждала — почти всё прошло.

— Дай-то Бог, — серьёзно сказал окулист. Он был молодой, с тонкими чёрными усиками, как злодей из американских фильмов. — Как ты описывала, это могло быть кровоизлияние в сетчатку или даже отслойка. Но вот — не видно почти ничего. Сосудистый спазм, должно быть.

Поэтому от скополамина сразу стало лучше. Так бывает. Короче: если что-то подобное произойдёт опять, бегом ко мне. Я принимаю в шестом кабинете с десяти до двух.

— И тогда — ложиться?

— Не исключено.

— Это платно?

— Ну... частично.

— Не получится. У меня совсем нет денег.

— Придумаем что-нибудь...

— Что тут можно придумать? — Алексей поймал себя на том, что сплетает и расплетает пальцы, и сжал кулаки. — Филадельф мог бы помочь...

— Он всё-таки был уже глубокий старик, — сказал кесарь. — Для таких дел нужна не только мудрость, нужна и выносливость... Даже будь он жив — я бы не решился взваливать такой груз на него одного.

— А кто ещё сможет?...

Кесарь чуть опустил голову, улыбнулся:

— Домнин Истукарий. Что скажешь, отважник?

Алексей откинулся в изумлении. Нет, кесарь не шутил...

— После... всего?

— Да. Именно после всего.

— Удивляюсь тебе, государь... Но, если

Домнин согласится... это будет хорошо. Да, это будет хорошо...

— А уговаривать его поедешь ты, Пактовий. Утром. Да смотри, езжай по дорогам, а не по оврагам... а то и костей не найдём...

— Ты велишь, государь, — кивнул Алексей.

— Иди спи. Аурика тебя разбудит.

В дверь громко стукнули и тут же, не дожидаясь ответа, вошли двое: мальчик в коротеньком, как поварская куртка, белом халате придерживал за плечо огромного мужчину в разодранной кожаной куртке. Пол-лица мужчины были замотаны марлей, будто бы залитой арбузным соком.

— Семён Семёнович, огнестрельное, — сказал мальчик женским голосом и при ближайшем рассмотрении действительно оказался женщиной. — Из «Айсберга», мелкой дробью...

— Ф-ф... — через уголок рта выдохнул окулист. — Ну, солнышко, где ж ты их находишь-то всё время?

— А я виновата? Счастье мне такое: как ни вызов, так глаз. Я бы и рада аппендициты в первую городскую возить: милое дело... — приговаривая, докторша-мальчик быстро разоблачала мужика. — Диспетчера с меня и то смеются...

— Да уж, — окулист повернулся к медсестре: — Клава, труби рентген... — он отогнул край

продержится, — сказала, оборачиваясь, докторша со скорой. — Пойдёмте-пойдёмте скорее, у нас сегодня только шесть машин, а вызовов...

— Девушка, а какого-нибудь валидола у вас не найдётся? — с неловкостью в голосе попросил Кузьма Васильевич. — Что-то я переволновался, наверное...

— Найдётся! — радостно отозвалась докторша. — Разве что валидол и найдётся! Ничего больше не осталось. Святая вода да валидол. Так и лечим. А?

Не слишком прислушиваясь к разговору, Саня прикрыла глаза. Да, было уже почти хорошо. Огненная запятая поблёлкла, и было ясно, что скоро она исчезнет совсем. Но там, где заканчивался её длинный хвостик, тусклым золотом светило крошечное пятнышко: будто бы монетка, увиденная метров с пяти. Саня, чуть усмехаясь над собой, попыталась посмотреть на пятнышко, и пятнышко, разумеется, тут же отпрыгнуло в сторону. После всего, что произошло, ей было весело. А вот военрук...

— Кузьма Васильевич, вам очень плохо?

— Нет... обыкновенное дело. Пройдёт. Который раз уже. Пройдёт. Само пройдет. Дебекку не позову, нет...

Кто такая Дебекка, Саня не знала.

Эта машина была совсем новенькая, «Газель»,

и пахло в ней ещё как в новенькой машине: обивкой. Но в углу салона свалены были комом окровавленные простыни, и пятна на полу ещё не подсохли.

— Работёнка у врачей, — сказал Кузьма Васильевич, усаживаясь на откидной стульчик и расстегивая воротник. — Что твой фронт...

— Вы разве на фронте были? — удивилась Саня.

— В Венгрии я был, — сказал Кузьма Васильевич. — А там, которые фронтовики, говорили: пострашнее... Да ладно: было и быльем поросло. Не стоит это...

— Может, теперь в другую больницу? — предложила Саня. — Если болит...

— После праздников в госпиталь схожу, — сказал Кузьма Васильевич, — у меня там племянница работает. Да уже всё, отпустило... — он глубоко вздохнул. — Да, отпустило. Легко мы с тобой сегодня отделяемся. Тьфу-тьфу, не сглазить...

В казарме стражи было тепло, но не жарко. Кастелян провёл Алексея в келью, показал койку, сказал: твоя. Алексей сел, нагнулся, чтобы стянуть сапоги — и понял, что распрямиться не успеет... Он почувствовал, что кто-то помогает ему, поворачивает, укрывает — но сам он уже спал. Какие-то гнусные морды предстали перед его

сонным взором, он отвернулся и ушёл.

«Скорая» высадила их на автобусной остановке и умчалась дальше по своим делам. Мороз был под тридцать. Минут через пять подкатило маршрутное такси: маленький «Паз».

— Поехали, — сказал Кузьма Васильевич.

— Может, подождём?... — замялась Саня.

— Лезь, лезь. Жизнь дороже.

В маршрутке нужно было всем платить за проезд; простой же городской автобус студентов возил по дешёвым проездным, а пенсионеров и вообще бесплатно.

Многие места были свободны: видимо, в такой мороз мало кто отправлялся путешествовать. Саня сидела, склонившись головой к заиндевавшему стеклу. Кто-то нацарапал на инее: «Скоро лето!» Цветные пятна из глаза пропали совсем, а золотая точка вела себя тихо и скромно.

Было около девяти часов вечера двадцать седьмого декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года.

Часть первая

Глава первая

Мелиора. Остров Еликонида

На море всегда холодней, чем на суше. Эту истину Алексей знал с детства, но так и не смог научиться не удивляться той пронзительной сырости, той мокрой всепроницающей студёности, которая всегда сопровождает зимние морские путешествия: будь то на рыбацкой ли лодке, на кесарской ли яхте... Сейчас, когда он спрыгнул со сходни на обледенелую гальку пляжа, когда ноги коснулись пусть замороженной, но земли, что-то внутри него облегчённо вздохнуло. Сейчас согреемся...

Хотя он и грёб вместе со всеми те восемнадцать вёрст, что отделяют пристань селения Мариан от острова Еликонида, ноги насквозь пропитались гиблой морской солёной стужей, и выгнать её можно было только ходьбой, только быстрой пешей ходьбой.

— Ждите здесь, — сказал он отважникам, приданным ему, Железану и Апостолу. — Если надо будет позвать, позову дудочкой. Но тогда уж торопитесь успеть.

Дудочки-близнятки он вырезал ещё на том берегу. Это было малое умение, данное ему Филадельфом: если в одну близнятку подудеть, то вторая тут же отзовётся, будь то за милю или за сто миль. И так будет, пока дудочки не засохнут и не покривятся.

Тогда надо вырезывать новые...

Остров Еликонида имя своё носил без чести, потому что именно на нём отбывала заточение Еликонида Геронтия, августа-двумужеубийца, по вине которой и началась война Семейств... хотя, если верить историку Василену Мудрому, августа была вовсе не преступница-злодейка, а просто неимоверно красивая похотливая дура, не могущая ни в чём отказать очередному любовнику... И вот именно этот бесславный остров выбрал для жительства великий искусник Домнин Истукарий после того, как был бездоказательно обвинён в причастности к исчезновению маленькой кесаревны. С тех пор прошло двенадцать лет, а Домнин так и не покидал полумёртвую каменную твердь...

Впрочем, за линией дюн остров уже не казался таким безжизненным. Прихотливо искривлённые сосны заступали дорогу ветрам, а дальше начинался мощный низкорослый еловый лес, тропы в котором не протаптывались когда-то, а прорубались. Алексей был у Домнина позапрошлым летом и помнил, что лесной тропой с поворотами дороги будет полторы версты и что если поворотов не знать, то можно и не найти двор чародея. Но повороты он знал, потому что именно всяческим тропам учён был с молочных зубов. Невозможно было тропе, как бы хитра она ни была,

завести Алексея Пактовия не туда, куда он хотел прийти...

Когда по внутреннему счету ходьбы осталось две сотни шагов, Алексей остановился и стал слушать. Ушаном его звали неспроста.

Тихо и должно было быть окрест жилища чародея. Тихо, но не так. Иначе.

Он ждал и слушал. Потом достал дудочку и продудел коротко три раза: «Идите — ко мне — осторожно». Сам же тронул в ножнах чудный свой меч по имени Аникит, что значит «Непобедимый». Меч этот, пришедший к нему от прадеда Дардана, был темой пересудов для многих славов, поскольку подобных ему не видел никто. Был он не прям, как мечи латников-хороборов, и не крив, как сабли конных бойцов-азахов, пластунов и отважников; нет, Аникит имел клинок лишь чуть откиннутый назад, будто надогнутый у самой гарды. Был этот клинок узок, чуть шире двух пальцев, но у обушка толст, много толще сабельного. Сталь его переливалась, как рыба форель в ручье, и если всмотреться, то виден становился мелкий узор из тёмных и светлых пятнышек — как у той же форели. Никто не знал, каким мастером он сделан и из каких стран привезён. Но десятки сабель и мечей мастеров Конкордии и Мелиоры перерубил Аникит в боях и состязаниях, будто не кованы те были и не из стали, а — струганы из прозрачной липы... Сам

же Аникит имел лишь одну заметную щербину, полученную им от секиры недобро знаменитого азаха Дедоя, последнего мятежника, посягнувшего в нарушение всех обычаев и клятв на род и двор кесаря. Алексею было тогда девятнадцать лет, и был он не отважником ещё, а ночным лучником-ушаном, только-только вернувшимся от обучения у великого старца Филадельфа, и Аникитом владел по завету его отец, этериарх кесаревой стражи Даниил Пактовий...

Много же бед принес тогда на землю Мелиоры неверный азах!..

Тропа окончилась. Алексей остановился, невидимый тем, кто мог смотреть в эту сторону.

Ворота двора стояли приоткрытые. Приоткрытые чуть, но никогда бы Домнин не оставил щели для проползновения нечистого духа. Два ворона молча сидели на коньке крыши и смотрели вниз, во двор, на что-то невидимое Алексею. Не было сейчас ни времени, ни сил, чтобы попытаться посмотреть их глазами... да и не следовало отвлекаться от мира. Алексей вслушался в тишину, состоящую из множества отдельных молчаний, пытаясь найти те, которые были бы нарочитыми и опасными, — и не нашёл ничего. Тогда он лёгким скольльзящим шагом приблизился к воротам и заглянул в щель.

Два пса Домнина, Серый и Вуха, лежали на

окроплённом снегу. Запаха свежей крови не было, и шерсть псов была чуть седоватой от инея, выпадающего под утро. Значит, времени прошло немало...

Держа правую руку так, чтобы равно было и хвататься за меч, и бить кулаком, Алексей пересёк двор. Следы были человеческие, остроносых мягких сапог. Подошвы из конской кожи скользили по снегу...

У крыльца, немного в стороне, два следа остались особенно чётких, и Алексей подумал, что оставил их, скорее всего, конкордийский всадник: перед каблуком чуть заметно отпечатались оставшиеся на краях подошвы вдавления от мягких ременных стремян. Конечно, и в Мелиоре есть воины, не признающие металла в сбруе, но вряд ли они при этом носят сапоги с подошвой из конской кожи...

В доме Алексей прислушался ещё раз. Любой дом — как огромный музыкальный ящик, он не в силах сдержать рвущиеся из него звуки и тем более не в силах их спрятать. И ясно было, как белый день, что этот дом пуст, да, пуст и холоден, и почти мёртв... но почему-то почти...

— Домнин! — громко позвал Алексей и буквально увидел, как разносится его голос по коридорам и комнатам, отлетает от стен, прилипает к потолку... — Домнин!!!

Молчание.

— Домнин...

И — слабый... что? стон? шорох? зов?

Дом чародея был огромен, куда больше, чем мог показаться при взгляде снаружи. Стены его уходили глубоко в землю, и окна, что казались прорубленными низко, над самой завалинкой, на самом деле располагались под потолком высоких зал. Здесь было много потайных комнат и переходов, и Алексей, проведенный в них когда-то не одну неделю, не был уверен, что знал их все.

— Домнин... — тихо, почти одной мыслью...

Вот он, ответ. Под лестницей почти незаметная наклонная дверь. Приоткрыта. Щель. Из щели — далёкое дыхание.

Алексей подошёл вплотную. Стал слушать. От шума его дыхания слабо проступали в темноте столбы и стены. Так примерно образуется и сразу пропадает туманное пятнышко на зеркале, которое держат перед умирающим или околдованным. Удары сердца были как вспышки слабого фонарика в большой пещере.

— Дом...

Слишком ярко! Но в этой вспышке вдруг — обозначилась чужая тень!

И сразу темнота и тишина взорвались беззвучными движениями тел. Немногие могли столь долго и тихо ждать в засаде...

Аникит скользнул из ножен стремительно и незаметно даже для опытного глаза. И в том же молниеносном движении коснулся шеи возникшего из тьмы воина. Алексей отступил на шаг, отпрыгнул — вовремя. Двое ещё ждали его, не выдавая себя ничем до последней секунды. Саптахи, люди далёких южных лесов, лучшие разведчики Степи. Умелые убийцы.

Он отступил ещё, изучая противника. Один старше, высокий для саптаха и тонкий в кости. Второй совсем молодой, широкоплечий и коротконогий. Кривые мечи у обоих — как продолжения рук. Давно бьются в паре: движутся слаженно, в хитром контрритме. Саптахские доспехи: наплечни и нагрудники, где каждая пластина для вящей беззвучности объята кожей. Они тоже изучали его, но Алексей надеялся, что количество — двое на одного — придаст им самоуверенности. Да, так и есть — начали атаку...

Саптах бьётся, как кружево плетёт. Концом гибкого меча он должен написать слово «Совершенство» прежде, чем упадёт обронённый платок. Защита саптаха изумительна. Синеватая сталь струится вокруг него, и кажется, что нет в ней просвета; и противник почти никогда не угадает, в какой миг защита сменится нападением, сталь коснётся его, достигнет незащищённой точки на теле, проскользнёт между пластинами панциря или

аккуратно, по суставу, отделит кисть, держащую оружие. Почти никогда. Но — только почти.

Медлителен глаз человека. Струющаяся сталь — это всего лишь тонкая синеватая отточенная полоска, быстро порхающая, всё же остальное — след её. Защита саптах соткана из пустоты.

И чтобы увидеть эту пустоту, надо смотреть не на клинок и даже не на кисть руки — смотреть надо на локоть саптах. Локоть сам укажет, куда наносить удар.

Аникит нашёл брешь. На миг как будто остановилось время: высокий саптах замер на полушаге, приподняв перед грудью согнутые руки и удивлённо опустив голову. Чужой клинок глубоко пересёк его тело чуть пониже приподнявшихся на замахе нагрудных пластин панциря — там, где рёбра мягки и лезвие не застревает в кости. В смертном неверии он ещё попытался опустить меч на открывшегося ему врага, но чужими сделались руки, а потом кровь хлынула волной...

Молодой понял, что уже всё кончено, что мёртв и он сам. В отчаянии нанёс неподготовленный удар, Алексей бездумно пустил его меч по лезвию своего, коротко отбросил вниз и уколол врага в сердце — и только увидев остановившиеся глаза, понял, что сделал глупость... но — поздно.

Молодой выронил оружие, сунулся на колени

и с громким костяным стуком рухнул ничком.

Теперь ему вопросов не задашь...

Алексей вытер меч и, не пряча его в ножны, стал спускаться в подвал.

— Домнин! Отзовись!

Сдавленный стон.

Свободной рукой Алексей вынул из кошелья на поясе неугасимую лучину, махнул ею раз, другой... С третьего раза лучина занялась. Алексей осмотрелся.

Великий чародей висел в воздухе, голый, не доставая ступнями пол-локтя до пола. Руки его были связаны перед грудью крест-накрест, голова запрокинута мучительно, кляп торчал изо рта, ноги судорожно подёргивались... Алексей бесконечно долго не мог понять, а поняв, не мог поверить, что же именно он видит перед собой.

Домнин Истукарий был посажен на кол по всем правилам этого гнуснейшего из искусств — и поэтому ещё жил.

Алексей знал, что тронуть его сейчас — это причинить ещё большую боль и убить этой болью. Но и не трогать — было невозможно... Он не помнил, что и в какой последовательности делал, но сколько-то времени спустя обнаружил себя склонившимся над измождённым стариком, лежащим на широком столе и укрытым плащом из козьих шкур. Алексей смачивал тряпочку

настойкой из фляги и вытирал Домнину лицо. Двое отважников, прибежавших на зов, сдерживали дыхание за его спиной.

— Осмотрите ещё раз дом, — сказал Алексей тихо, не оборачиваясь и не отрывая взгляд от лица чародея. — Вряд ли их было только трое.

— ...се... — шевельнулись губы Домнина.

— Все? — переспросил Алексей.

— Семь, — очень тихо, но отчётливо повторил Домнин. — Было семь. Четверых можно... разбить... там... где зеркало...

Это Алексей понял.

— Когда подниметесь, пройдите по коридору направо до конца, там будет маленькая дверь. За дверью зал... Так, учитель?

— Так...

— В зале найдёте четверых саптахов — окаменевших. Разбейте их топорами. В зеркало на стене старайтесь не смотреть...

— Хорошо, старший, — сказал Апостол. — А только негоже тебе, однако, в одиночку...

— Пойдём, — сказал ему Железан. — Старший знает, что делает.

Знает, подумал Алексей. Что ж, может, и знает...

— Я могу тебе помочь, учитель?

— Ни к чему... Молчи, я буду говорить, ты слушай. Их прислал Астерий Полибий...

Полибий! Астерий Многоживущий!
Изменник, прельстивший когда-то
простодушно-жадного Дедоя, а потом бежавший в
Конкордию и Степь, ставший там верным
клеветом нечеловечески жестокого Авенезера
Третьего, умершего от «болезни царей» и теперь
вот странным образом воскресшего... и, значит,
один из тех, кто поднял из гробов Мардонотавра...

— ...предлагал и мне встать с ними...
Астерий нашёл где-то Белого Льва... теперь он
могуч, и мало кто в одиночку сможет... а если
взойдёт он со Львом в Башню Ираклемона...
обретёт власть над мирами немереную, с которой
сам то ли справится... то ли нет... но не заботит его
это...

Чародей перевёл дыхание.

— Промедлил я... да и не сумел... старый.
Теперь пусть Виссарион... за всех. Ему...
передай... мое слово. И — главное... Кесаревну
маленькую... это правда я спрятал. Хоть и говорил
лжу. Погубил бы её Астерий... Под Башней Ира...
клемона... в Велесовой кузне... Моя Еванфия... с
нею... в обиду не даст... Путь тебе ключарь Вит
скажет... Кесаревна Белому Льву с рождения
посвящена... он её послушает, не Астерия... Сходи
за девочкой... сейчас. Не медли. Сундук за
зеркалом... открой. Там карты... ключи... Ни дня
не медли, ни часа. Астерий уже... снова... ищет её.

А зеркало моё разбей. Разбей...

— Учитель, — сказал Алексей только для того, чтобы хоть что-то сказать. Услышанное не поддавалось оразумению. — Учитель, что же будет теперь?

— Много бед... придёт. Терпеть будем... беды. Терпеть. Ты вот что... слав... Ты её сбереги. Никому не выдавай... даже кесарю самому... Слаб отец наш кесарь... духом слаб. А Виссарион умён... чересчур... боюсь я... переумничает он. Некстати я... попался... ну, знал Астерий, что делал...

— Учитель... — и Алексей вдруг заплакал — едва ли не впервые в своей памяти охваченной жизни.

— Прогневили мы Создателя, — сказал Домнин отчётливо. — Отцы наши и деды. Волком на друга смотрели. Вот мы и платим. Их долги. И платить будем ещё. А всё одно, отважник. Держаться надо. Мала Мелиора наша, а дорога, нет дороже... Что ж делать? Держаться надо. Пока живы. И когда мёртвы. Ты надо мной не плачь, слав. Не так уж далеко ухожу. Рядом буду. Зови.

— Да, — сказал Алексей. — Позову.

За спиной опять возникли шаги.

— Ты, Апостол? — не оглядываясь, спросил Алексей.

— Я, старший, — голос Апостола был подавленный. — Там... это... всё готово.

Раздробили мы их...

— Зеркало не тронули?

— Не-а. Страшно...

— Правильно. Пойду я разобью. Железан где?

— Да... там... сморило его. Блюёт.

— Я сейчас вернусь, учитель...

— Не застанешь. Ухожу. Прощай. За мной не спеши. Карты смотри внимательно. Они правду говорят. Но не подсказывают никогда. О-о... — голос Домнина внезапно изменился, будто увидел чародей изумительное и восхитился увиденным...

Мелиора. Двор кесаря Радимира

Возвращались в сумерках, потом впотьмах. Кормщик правил на звезду. Алексей мощно грёб, стараясь забыться в мышечной работе. Не спасало.

Лицо Домнина освободили из-под покрывала, и он закрытыми глазами смотрел в тёмное небо. Алексей искоса поглядывал на него, боясь спросить: что же ты видишь там, учитель? А Домнин явно видел что-то. Лицо его, отразившее тогда восторг и упоение освободительной смертью, вновь стало ясным, суровым и твердым...

Позади разговаривали.

— Из дому прислали сказать: в лесах плакач завёлся. Уже двух детишек утащил да девку. Парни совета просят.

— Что совет... Тут бы на побывку съездить да пройтись по тем лесам. Только вот — какая побывка...

— Это верно. Потому и говорю: совет послать.

— Надо будет с Абрамием Дедухом поговорить, он про лесную нечисть всё знает. Вырос в заповедных лесах.

— Плакач — хитрая тварь.

— Уж хитрая...

— Не подходили раньше так близко к сёлам.

— Страх потеряли. Поживу чувуют.

— Э-эх...

И этим всё сказано, подумал Алексей. Чувствуешь свою никчёмность — жизнь положена на то, чтобы научиться отражать врага, а когда приходит срок, оказывается, что умение твоё неправильно, или врагов так много, или ты так слаб... и те, кто кормил, поил и снаряжал тебя, кто вправе был на твою защиту надеяться, — голы и открыты перед погибелью... а ты всё ещё жив и всё ещё пытаешься что-то из себя представить, изобразить — красивое и благородное...

И ещё он подумал, что мир рушится беззвучно и без предупреждений: ещё неделю назад, когда в трактире «Пурпурная ящерица» он получил из рук маленького степняка с грустными глазами шёлковый платок и шёпотом дважды повторил за

ним тягучие, с назойливым ритмом слова тайного послания, ничто не говорило о таком скором конце затянувшегося на шесть лет перемирия. Как, впрочем, и шесть лет назад ничто не говорило о внезапной остановке наступления Степи на Конкордию на просторах материка — и таком же внезапном прекращении нескончаемой войны Семейств на островах Мелиоры... Никто не заключал договоров, не давал клятв и не пил мировых кубков — просто с какого-то необъявленного момента войны перестали убивать...

И вот этому тоже пришёл конец. Начиналось что-то иное, неясное и страшное.

На пристани, услышав издали скрип уключин, заржали кони. Тут же выше поднялось пламя сигнальных костров. Маяк Мариан после таинственных исчезновений пятерых его зрителей так и не смогли вернуть к службе, а на строительство нового маяка не было ни казны, ни воли.

Тело Домнина с должным почтением уложили в те конные носилки, которые должны были нести его живого; Алексей тронул коленями бока Дия, гнедого жеребца, подаренного кесарем взамен павшей Силени; Дий хорошо слушался всадника, но Алексея несколько смутила та лёгкость, с которой он принял нового хозяина; освещая себе путь

масляными фонарями, отряд двинулся ко двору.

Падал мелкий снег. Ветер изредка касался верхушек деревьев, но вниз не спускался. Луна медленно показывалась в разрывах туч, потом так же медленно скрывалась. Невидимые иглы плавали в воздухе, впивались в лоб и щёки.

Мерно дышали кони.

Похоже было на то, что Алексей задремал в седле и продолжал видеть во сне тихую дорогу, тени от фонарей да заснеженный лес...

Потому что когда раздался пронзительный крик, вырвавший его из покоя пути, оказалось, что он только что передал поводья Дия отроку, а сам, покачиваясь, направляется к носилкам, у которых в нерешительности стоят с фонарями челядинцы и стражники.

...Крик нёсся из выбитого окна палат. Стёкла ещё, сверкая тускло, падали на снег, а Алексей уже взлетел на крыльцо и нырнул в клубящийся мрак внутренней лестницы.

Плыл запах смолы и каких-то забытых трав.

Прихожий зал. Пятна белых потерянных лиц.

Трапезная. Библиотека. Дым плотнее.

Рассевшаяся, будто и не каменная, а слеплённая из мягкой глины печь. Поток холода из провала окна.

Простоволосая августа застыла, выставив перед собой руки со скрюченными пальцами.

Кесарь сидел за столом, уронив голову на кулак. Старший сын его, Войдан, в странной позе стоял в простенке, совершая быстрые непонятные движения. Он походил сейчас на приколотую иглой к дощечке ящерицу.

А напротив них в воздухе колыхалась тень. Сгусток тьмы.

Алексей почувствовал, как невидимый ледяной нож коротко свистнул меж рёбер, рассекая плоть, и узкая рука скользнула в рану, уверенно нашла сердце и обхватила его. Тут же сами собой подогнулись ноги, пресеклось дыхание, и смертная истома заklubилась, наполняя и заслоняя всё. Тень обернулась к Алексею...

Это был Гроздан Мильтиад, доблестный слав, служивший семейству Паригориев и погибший десять лет назад в безумной смелости рейде в Степь: тогда две сотни славов-отважников попытались добраться до ставки Авенезера Третьего... Никто из того рейда не вернулся, и лишь много времени спустя от мирных степняков стали известны подробности чудовищного разгрома — и того, что было со славками после...

Накануне того рейда Гроздан и с ним ещё восемь воинов приезжали к старцу Филадельфу за советом. Там Алексей и видел его.

— Гроз... дан...

Мёртвый слав мёртво улыбнулся. Невидимая

рука, сжимавшая сердце, обманно разжалась — чтобы впустить надежду и сжаться вновь.

Не такой смерти желал себе Алексей Пактовий, когда давал клятву на верность кесарю Радимиру...

Хотя — почему не такой? Заслонить собой кесаря в бою или от клинков убийц — вершина, предел желаний всякого слава. Отвлечь на себя злое волшебство, дать господину секунду передышки, в которую он может... может...

Гигантская пиявка впилась в нутро Алексея, примостилась, напряглась — и потянула, всасывая ставшие от ужаса жидкими внутренности и кости.

«Стой, Гроздан!» — тяжёлый рык расколол Алексею череп. Он схватился за голову, отшатнулся, крича — и увидел, как тяжело поднимается со своего места кесарь... «Гроздан, воспрещаю тебе!»

Холодом обвило плечо и бок — будто в самую стужу привалился к каменной стене. Мимо прошёл и встал напротив мёртвого Гроздана мёртвый Домнин.

И Гроздан будто бы даже попятился, но тут же остановился.

«Старик, уйди. Я не подчинюсь тебе, бедный седой мотылёк. Тот, кто послал меня, готов овладеть миром, а чем можешь овладеть ты? Садовой лейкой? У тебя ещё есть время уйти

самому. Даю тебе три счёта...»

«Не трудись считать, трус. Здесь ты не пройдёшь. И ты это знаешь, так ведь?»

Домнин сделал шаг вперёд. Комната чуть провернулась, в щели меж потолочных плах посыпался мусор.

«Остановись, безумец, — сказал Гроздан. В голосе его было только спокойствие. Слишком много спокойствия. — Ты ведь не желаешь остаться на пороге?»

Домнин сделал второй шаг. Ртутный ручеёк побежал по стене, растёкся лужицей. Тяжёлые блестящие капли застучали о половицы и столешницу.

«На этом тебя и подловили, так ведь, слав? Да, ты ещё помнишь то время, когда был доблестным славом... Остаться на пороге. Что может быть страшнее?... Может, слав. И ты это тоже очень хорошо знаешь...»

«Знаю. Хочешь, расскажу, как это выглядит? Просто очень длинная лестница вниз. И всё. Ничего другого там нет. Очень длинная лестница. Хочешь, чтобы мы пошли по ней вместе?»

«Пойдём», — легко согласился Домнин... и Гроздан понял, что он говорит правду.

Мёртвый слав стремительно отшатнулся. Но старый чародей уже подошёл к нему достаточно близко, чтобы коснуться его рукой. Алексей

каким-то чудовищным обострением мыслей и чувств понял, что теперь оба мертвеца слиты в одно. Гроздан задёргался и заметался, круша всё в зале, и Домнин в этих метаниях обнимал его всё плотнее и плотнее. Чудовищный бесформенный ком тьмы замер наконец у руины печи.

«Это всё, слав», — сказал Домнин тихо.

Ком напрягался, перекатывался внутри себя...

«Нет!!! — крик Гроздана вынес оставшиеся стёкла из переплётов. — Нет, старик! Не так просто...»

Наверное, Домнин вовремя понял, что хочет сделать мертвец. Почти вовремя.

Тонкая белая искра вылетела из недр тьмы и ударилась в грудь кесаря. Он пошатнулся, а слившиеся в бесформие мертвецы с чудовищным рыком взвились в воздух и ринулись в чернеющее квадратное отверстие дымохода. Весь потолок вспыхнул жутким ртутным блеском. Плахи расселись, одна матица выскочила из паза и повисла, удерживаемая Бог знает чем. Сухая земля и клочья мха сыпались обильно.

Алексей чувствовал себя вынырнувшим с самого дна — уже после того, как будто бы хлебнул воды. Всё вокруг было страшно яркое и вещественное. Он видел и запоминал навсегда: слезы и царапины на лице августы — цепочку с золотым скарабеем на морщинистой её шее —

кровь под обломанными ногтями... разрубленный в двух местах — под горлом и напротив сердца — кожаный чёрный жилет на Войдане... и странно изменившееся лицо кесаря. У него был изумлённый и чуть недоумевающий вид. Он осторожно потрогал свою грудь рукой...

Потолок над головой угрожающе трещал.

— Уходим отсюда! — крикнул Алексей. — Государь!..

— Да, конечно... — растерянно ответил тот и посмотрел на августу.

Но Войдан понял всё правильно. Он подхватил отца под руку и повлёл в коридор. Там толпились.

— М-матушка... — Алексей повернулся к августу. — Матушка, прошу вас...

Она встряхнула головой, расправила плечи и неторопливо зашагала следом за своими мужчинами. Алексей пропустил её и ещё раз быстро огляделся.

Ртутный блеск быстро и коротко показывался то там, то здесь, и в мерцании его что-то мгновенно завораживало, казалось то ли обязательным, то ли неузнанно-знакомым. Но Алексея уже тащили за руки и за полы куртки, и он не сумел рассмотреть и понять, в чём была странность и прелесть этого блеска...

Он ещё много раз будет видеть его во сне и

просыпаться с мучительным чувством того, что ещё миг — и тайна перестанет быть для него тайной... но этот миг не был ему дан никогда.

Алексея буквально выволокли из разгромленной залы, и тут же рухнул потолок.

Мелиора. Двор кесаря Радимира

В месте прикосновения искры к груди кесаря участок кожи размером с детскую ладонь позеленел и потерял всяческую чувствительность. Лекарь Деян долго осматривал распростёртого на широкой лавке пациента, качал головой и бормотал неслышно. Потом сказал:

— Государь. Я впервые вижу такое. В моей памяти нет никаких упоминаний о подобной болезни. Позволь мне удалиться и обратиться к книгам. Может быть, я найду нужное описание и средство.

Кесарь слабовольно махнул рукой: иди. И подтвердил словом:

— Иди уж, мучитель. И всё — идите. Сил моих больше нет, чтоб вас видеть...

Отвернулся к стене и замер.

Алексей, что стоял в дверях, пропустил лекаря мимо себя и вышел следом.

— Так плохо? — спросил он.

Лекарь, не оборачиваясь, кивнул.

Силентий — тайный совет — собрался в стражницкой. Этериарх стражи Мечислав Урбасиан стоял во главе стола, за которым друг друга напротив сидели стратиг Рогдай и потаинник Юно Януар. По правую руку от Рогдая держался Войдан, всё ещё бледный после столкновения с мертвецом, а рядом с Юно Алексей неожиданно для себя увидел Аэлли Саверию, ведиму и целительницу, служившую, как и многие другие ведимы, семейству Вендимианов, относящемуся к их ремеслу терпимо и даже поощрительно. Появление её при дворе кесаря в трудный час могло многое значить...

— Садись, лекарь. Садись и ты, слав... — этериарх дождался, когда Деян и Алексей займут места за столом, и тяжело сел сам. — Говори, лекарь.

Деян покосился на Аэлли, вздохнул.

— Хорошего вы от меня не услышите. Я не видел никогда сам, как начинается «болезнь царей», но в трудах описания читал многократно... Всегда первоначально возникает маленькое серое пятнышко с розовой каймой, оно растёт... Завтра оно будет с блюдце, через три дня появится смрад. Пройдёт ещё две-три недели... Мне хотелось бы ошибиться, но я не ошибаюсь — всё слишком очевидно.

Повисло молчание. Слышно было, как в соседей комнате идут часы.

— Скажу я, — начал стратиг Рогдай. — Не было такой тяжести дня на моей памяти. Замять в Степи. Конкордия опять готовит армаду. Семейства наши так и не договорились до мира. Можно было рассчитывать, что хотя бы перед лицом врага они сплотятся, как это было при кесаре Паисии — пусть на время, пусть кое-как... Потому, думаю, и нанёс враг удар нам в самое сердце. Если лекарь прав, то остаётся у нас один кесаревич Войдан... с женой своей Блаженной... — стратиг проговорил это ровно, но ровность далась ему не сразу. Юная Блажена была младшей дочерью Терентия Вендимиана, генарха южного семейства. И ясно, как день, что все Паригории и те, кто держит их руку: славы северные и большая часть восточных — с большой неохотой пойдут под знамёна кесаря... — И происходит всё это с руки проклятого Полибия — а значит, ждать нам новых напастей и бед. Я сказал. Говори теперь, Юно.

— Сказать хорошего тоже не могу, — приподнял Януар свою круглую, как бы кошачью голову. — В Бориополе странной смертью умер кесарский судья Агав Дометий, а в порту Ирин забили до смерти двух комитов, приставленных к таможне. Вандо Паригорий умыл руки, не став расследовать эти смерти... На востоке начались

усобицы мелких дворов из-за торговой дороги на Нектарийский рудник. Всё точно как пред той войною... Моих наличных сил уже не хватает и на Столию. Банды и бродиславы подходят к самым границам кесарских пределов, грабят хутора. Скажу честно, как ни мерзко это звучит: я надеялся на вторжение, потому что тогда мы имели бы шанс отринуть внутреннюю смуту. Но теперь... не знаю. Говори, Аэлла.

— Жизнь кесаря для нас бесценна, и мы можем её сохранить, — тихо сказала она. — Но он будет... только жив. И всё. Его нельзя будет даже показать сторонним людям...

— Кокон Пианы? — догадался лекарь.

— Да, кокон доброй Пианы. Тем временем можно попытаться найти средство... противоядие... мало ли, что мы никогда не слышали о таком...

— Гроздан был всего лишь рукой Полибия, — сказал Алексей. — Значит, если заставить Полибия снять чары...

— Или убить его, — Аэлла нахмурилась. — Да, это надёжнее...

— Мы пришли к тому же, с чего начали, — сказал этериарх. — Полибий.

— По крайней мере, ясна цель, — сказал Алексей.

— Ты это серьёзно, слав?

— Как нельзя более.

— Но... — этериарх оглядел всех, как бы оценивая или взвешивая. — Если я ничего не путаю, могущество Полибия чрезвычайно и растёт день ото дня. На что же можем надеяться мы, простые смертные?

— Полибий сам по себе весьма искусен, — сказал Алексей, — но никаких особых врождённых талантов в нём нет. Во времена Дедоя он был чародеем средней руки. После бегства он обучался у магов Степи — и где-то там нашёл утерянный амулет Ираклемона Строителя: Белого Льва. Белый Лев силы чародею не добавляет, но обладает качеством труднообъяснимым: при нём исчезают различия в языках людей, а также в чародейных умениях. В одно и то же время можно использовать самые несовместимые приёмы: некрономику, скажем, и аргентомантию. В этом сила Полибия — в этом его слабость. Он почти не ограничен в средствах — но вся огромная сила его сосредоточена буквально в одном предмете, который можно... украсть, отнять, подменить...

— Так... — Юно Януар посмотрел на него с особым интересом. — А как именно уважаемый слав видит похищение подобного предмета — ведь это всё равно что... скажем... незаметно на скаку вытащить седло из-под азаха... или — украсть детеныша у плакача...

— А также — яблоки Гесперид и корону морского царя... Не знаю. Плана у меня нет, а если бы и был — я не стал бы доверять его языку. Даже я с моими скромными умениями могу слышать чужими ушами... Скажу только, что не все ещё козыри собрались в руках Полибия... и он это знает.

— Вот как... — протянул этериарх. — А ты, слав — готов ли ты вытянуть из колоды оставшийся козырь?

— Да.

— Что ж... Кесаревич Войдан, будешь ли говорить?

— При живом отце — нет.

— Достойно сие... Ведима, когда приступишь к лечёбе?

— Сейчас, почтенный. Мне нужно будет пять или шесть отроков, которые умеют не бояться.

— Других не держим... Хорошо. Распорядишься, стратиг. Идите все. Пактовий, останься... — и, когда стражницкая опустела: — Шепчи, что замыслил?

— Сейчас... — Алексей движением руки показал: сядь. Сам же — прислушался. Но и мышь не скреблась под полом... Сказал действительно шёпотом, на самое ухо: — Дело такое, этериарх: Домнин перед смертью открыл мне свою тайну, которую двенадцать лет держал... Ты уже понял,

этериарх?

— Так. Открыл... Это и есть тот козырь?

— Он самый.

— Она.

— Да. Дама бубей.

— Что тебе нужно?

— Двух отважников — на весь срок.

— Каков же срок?

— Не ведаю. Дни. Или недели. Вряд ли месяцы.

— Месяцы — нельзя.

— Знаю. Недели, наверное, тоже нельзя. Всё, что от меня будет зависеть, сделаю, чтобы были — дни.

— Нельзя говорить, где она?

— Да можно, наверное. Если Полибий мог подслушать, он уже подслушал на острове у Домнина. Она в самой Велесовой кузне, где-то в глубине...

— Ох ты. Я там был — раз.

— Я тоже. Он сказал, кто может показать путь.

— Да, Пактовий. Задал нам многомудрый задачу...

— Это лишь первая. Вторая — уговорить Якуна Виссариона из Артемии. Его Домнин прочил на своё место. Я знаю Якуна... немного. Трудно будет уговаривать.

— Тебе не успеть и то, и другое.

— Не успеть, — Алексей согласно наклонил голову.

— Кого бы ты послал к нему?

— Кесаревича Войдана с женой его. И с ним кого-нибудь из людей Юно. Кто будет при Якуне после.

— Может быть... да. Это должно оказаться лучше всего прочего. Я же займусь лодочным флотом. Пршлый раз получилось как будто бы неплохо... Ты видел недавно в Конкордии верфи. Когда, по твоему разумению, будут готовы последние корабли?

— К маю.

— Время, будем надеяться, ещё есть...

Но оба знали, что времени нет.

Дело создания кокона Пианы оказалось куда более долгим и тяжёлым, чем предполагала Аэлла, и когда всё, наконец, кончилось, сама она была вымотана до состояния полумёртвого, а среди отроков, помогавших ей, один вскоре действительно умер, не выдержав страшного истощения сил. Славы-стражники молча унесли его на щите, чтобы предать земле с должными почестями.

Перед последним бинтованием Алексей и Войдан зашли взглянуть на кесаря. Тот лежал на

столе, похожий на выловленного морского царя: блёкло-зелёный, неподвижный, почти потерявший человеческий облик. Лишь лицо ещё частью оставалось прежним; глаза метались...

— Недолго тебе таким оставаться, отец, — сказал Войдан. — Будь спокоен.

Алексей молча кивнул.

Зелёная корка у губ кесаря чуть треснула. Раздалось тихое шипение.

— ...ессли... оссилит... не допуссти...

Алексей понял.

— Клянусь, государь, — сказал он. — Поругания не допущу.

Если буду жив, добавил он про себя.

И — если проиграю...

Он повторил то и другое ещё раз и подумал, что условия эти совершенно несовместны.

Аэлла с серым, в мелких капельках пота лицом оттеснила их локтем. В руках у неё была первая лента грубой простынной ткани, пропитанной смолой. На миг она задержала эту ленту в руках — то ли в нерешительности, то ли примеряясь. Потом — одним движением обернула голову кесаря, запечатывая рот и нос. Секунду были видны полные ужаса глаза...

Потом для кесаря настала долгая тьма.

Уходя, Алексей ощутил пожатие руки Войдана. Тайная благодарность за безрассудную

клятву. Но лицо Войдана ничего не выражало — он смотрел вперёд и что-то такое видел перед собой...

Ещё до рассвета следующего дня три всадника выехали со двора и налётом помчались на восток, по той самой дороге на Нектарийские рудники, из-за которой вновь ссорились владетельные славы — и за разрешением споров готовы были обратиться не к законному, доброму и справедливому, но бессильному кесарю, а к влиятельным семействам севера и юга. Так уже трижды за последние двести лет вспыхивали в Мелиоре гражданские войны.

Ворон сидел на высоком дереве и смотрел в спину всадникам. Когда они скрылись из виду среди заиндевелых столетних лип, тянувшихся вдоль этой дороги на тридцать вёрст вплоть до городка Николия, ворон снялся с дерева и полетел на восток, к морю...

Глава вторая

Кузня

Директриса училища, маленькая симпатичная брюнеточка, которую не портило даже лёгкое косоглазие, приняла Алексея сразу.

— Вас послала сама судьба! — повторила она несколько раз. — У нас женский коллектив, у нас всего четыре преподавателя-мужчины, да ещё двое почасовиков — и всё. Кузьма Васильевич очень, ну оч-чень помогал — просто своим присутствием. Вы не представляете себе, насколько важен мужчина в женском коллективе, наверное, он важнее, чем женщина в мужском, это так облагораживает, особенно если мужчина в форме... Я так жалела, что ему пришлось уволиться, так жалела. Я уже думала, мы никогда не найдём... и вдруг — этот звонок из военкомата. Чертовски кстати. Я очень надеюсь, что вам у нас понравится. Но скажите, Алексей Данилович, вот вы — молодой сильный мужчина, офицер... а у нас зарплата маленькая, с этой проклятой задержкой, хлопот огромное количество...

— Честно? — улыбнулся Алексей.

— Желательно.

— В августе уходит на пенсию мой родной дядя. Он майор инженерных войск. Просил меня найти для него место военрука и придержать. То есть — до августа я у вас побуду, а потом уволюсь в его пользу. Он вам подойдёт куда больше, чем я: золотые руки... Как видите, я ничего не скрываю.

— Ох, да я и не сомневаюсь, — всплеснула руками директриса. — Извините, если я что-то не так сказала...

— Да ну, что вы. Всё просто замечательно.

— И ещё. Скажу уж сразу. У нас контингент особый — девушки. Вы уж готовьтесь к тому, что в вас сразу начнут влюбляться... ну и всё такое. Так вот... даже не знаю, стоит ли вообще об этом говорить, но всё же... в общем, никаких связей со студентками быть просто не может. Не просто запрещено — а исключено абсолютно. Простите, что приходится об этом говорить... не знаю, надо ли было...

— Не надо, — серьёзно покачал головой Алексей. — Тем более что в моём вкусе женщины постарше. Впрочем, я готов подчиниться любым правилам. Необходимость дисциплины мне доказывать не требуется.

— Я так и поняла. Спасибо. Что ж... сейчас появится Валентина Михайловна, она у нас по совместительству завкадрами, оформит вас и покажет ваши владения. Завтра уже занятия... — она развела руками, как бы извиняясь, что не может позволить новому работнику погулять недельку-другую. — И... м-м... Алексей Данилович... можно мне задать вам нескромный вопрос?

— Можно, — с удовольствием разрешил Алексей.

— У вас такая странная фамилия...

— Да, — согласился он. — Дедушка мой был

Пактовий, папа был Пактовий — пришлось и мне становиться Пактовием. От судьбы не уйдёшь... Не знаю, откуда она взялась такая, — рассмеялся он, когда брови директрисы удивлённо взлетели вверх. — Греческое слово. Означает «сохраняющий жизнь». Наверное, предки были греки или священники — тем часто давали фамилии на манер греческих. Дьяк Велосипедов, например. Прозванный так за быстроту ног...

— Как интересно, — сказала директриса. — А вот идёт и наша Валентина Михайловна...

Само оформление на работу — заполнение бумаг — заняло минут сорок. Любезная Валентина Михайловна помогала и подсказывала, понимая, что человеку в тридцать с лишним лет трудно впервые в жизни заполнять все эти никому не нужные «простыни».

— Ну и всё, — сказала она наконец. — Пойдёмте, покажу вам ваши подземелья... Кузьма Васильевич передал ключи мне, это против порядка, но завтра он придёт сюда сам, он уже звонил, и вы с ним оформите передачу имущества — из рук в руки. И как с милицией решить, он вам скажет, а то они уже звонят, беспокоятся — оружие всё-таки... Только отпереть те двери я не смогу, вы уж сами.

Ах, как много железа было здесь... Окованная дверь, засов, двухфунтовый замок. Железная

решётка и в ней такая же решётчатая калитка. И — огромная железная балка, поддерживающая потолок. И — железный зелёный шкаф. И железные ящики на полу...

Где-то в глубине сидело глупое и алчное желание: схватить всё это и унести с собой.

— ...А класс ваш на втором этаже, но там всё просто: класс как класс, даже запирать не обязательно...

— Спасибо, Валентина Михайловна, — сказал Алексей. — Теперь я разберусь.

— Да, планы занятий Кузьма Васильевич оставил, они у него подробнейшие, так что буквально надо только пальцем водить, со строчки не сбиться. А девочки наши — они хоть и зубастые, но не страшные. Главное, вы их не бойтесь, и всё будет хорошо.

— На свете была одна-единственная женщина, которую я когда-то испугался, — сказал Алексей. — И до сих пор о том жалею.

— Ой? — не поверила Валентина Михайловна. — Так уж и одна? А тогда что же вы тогда такой видный и красивый и не женатый ни разу?

— Потому что не теряю надежды когда-нибудь догнать её и доказать, что есть ещё песок в песочнице.

На короткое время он дал пищу для

пересудов. Дальше будет видно.

— Общежитие у нас рядом, вы знаете, — продолжала Валентина Михайловна. — Направление я вам написала... ах да. Комендант сегодня придёт поздно, после четырёх. Поэтому можете не торопиться. У вас вещей много?

— Чемодан, — сказал Алексей.

— Всё, что нажили? — она ахнула и покачала головой.

— Пожалуй, что всё. А нужно ли больше?

— Не знаю...

— Зато я очень много видел такого...

— Мы устроим вам новоселье, и вы нам всё расскажете! — с энтузиазмом воскликнула Валентина Михайловна. — У нас весело, вы не думайте.

— Наоборот. Я был уверен, что у вас весело.

— Вы уж извините, Алексей Данилович, я вас заговорила, а мне ещё столько писать... В общем, комендант, самое раннее, в четыре появится. Вы тут пока осмотритесь...

— Конечно, — улыбнулся Алексей.

Он давно не улыбался так много и с таким удовольствием. Жители Велесовой кузни могли быть вполне приятными людьми — хотя временами и странными...

Оставшись один, Алексей сел за стол, положил голову на руки и задумался. Последний

месяц, месяц пути и поиска, обошёлся ему недёшево. Запас сил, казалось, почти исчерпан. Несколько раз его выносило за грань срыва, и только случай, лихость, чудо и чутьё позволили ему сохранить лицо — в обоих смыслах.

Но иногда ему нужно было вот так, буквально — забиться в нору и привести в порядок взъерошенные мысли, чувства и ощущения.

Итак, почти на месте. Да что там почти — совсем. Путь оказался быстр, хотя и длинен, куда длиннее, чем это можно было себе представить. Однако тропинка сама ложилась под ноги, поворачивалась... и самое трудное началось уже тогда, когда тропинка вроде бы привела куда надо. Ох, и постарался же старец Велес в своё время... ох и наворотил...

Вдох... выдох... вдох...

Непостижимое для воображения место — эта Велесова кузня.

Никто не способен её описать, никто не может проложить в ней несомненный путь. С каждым шагом по недрам её перед идущим вскрывается новое пространство, каждый поворот преобразует видимый мир. Нет лучшего места, чтобы скрыться...

И хотя ты знаешь твёрдо, что всё вокруг не более чем видимость, относиться к этой видимости надо со всей серьёзностью. Благо, что карты и

ключи Домнина позволяли многое важное: и различать среди всей видимости ту, которая прикрывала реальные препятствия, и говорить со странными людьми, обитающими в недрах Кузни, на их темы — пусть и не понимая всего, но не позволяя собеседнику догадаться, что ты не понимаешь... и кое-что ещё...

Так, например, он узнал Еванфию — на глубине в три аршина. Она лежала там, вдали от всего, одинокая и невыразимо несчастная. С нею трудно было говорить, потому что она почти сошла с ума от этого последнего одиночества. Еванфия не знала, что её погубило, не успела понять... она слишком отвыкла от чародейства здесь, где серебро используют для украшений, за словом не следят по причине полного его бессилия... но зато и железо не горит — даже раскалённое докрасна...

Может быть, это искупает все прочие недостатки здешних мест, вяло подумал Алексей.

Он расслабленно встал, отпер один из зелёных шкафов. Вынул винтовку. Руки сами (хвала чудесным ключам Домнина!) открыли затвор, вставили обойму... короткие и точные движения. Дальше по коридору... выключатель. В конце коридора загорелся свет. Будто бы три силуэта показались там на миг... но именно показались. Рябые щиты с чёрными тарелочками мишеней.

Алексей очень быстро вскинул винтовку к

плечу, выстрелил, перезарядил, выстрелил... Подсознательно он ожидал, что звук будет более громкий. Расстреляв обойму, он подошёл к мишени. Чёрный кружок в центре её был разлохмачен.

Хорошо.

Он знал, что точно так же будет стрелять из любого другого оружия. В конце концов, всё это условность и почти что видимость...

Ствол винтовки лишь чуть нагрелся.

Но, наверное, выстрелы его всё же немного оглушили, потому что шагов по лестнице он не услышал, и лишь вернувшись в свой кабинет, обнаружил там трёх девиц, похожих, как сёстры.

— Здравствуйте, — протянула одна, а остальные подхватили: — ...вуйте, вуйте.

— Здравствуйте, красавицы, — согласился Алексей. — И кто же вы такие здесь?

— А мы... вот... записаны. Я Колмакова, а это Швец, а это Сорочинская.

— Нас Кузьма Васильевич в стрелковый кружок записал, — сказала Швец.

— Понял, — кивнул Алексей. — Раз записал, будем заниматься. С той недели начнем.

— А вы наш новый военрук? — спросила третья, Сорочинская.

— Так точно.

— А как вас зовут?

— Алексей Данилович.

— Очень приятно... приятно, — все трое исполнили маленькие карманные реверансы. — Так вы нам скажете, когда на занятия приходите?

— Расписание вывешу. А Кузьма Васильевич когда занятия проводил?

— По пятницам, после шестого урока...

— Может быть, так и оставим. Ну, бегите, мне тут ещё всё закрывать и на сигнализацию ставить.

— Ага. До свидания! (досвида!.. досда!..) Если что понадобится, то нас спрашивайте!

Умчались. Лёгкая кавалерийская разведка.

Алексей запер шкаф, потом кабинет, выключил свет, включил сигнализацию, запер обе двери в подвал и пошёл в общежитие.

Комната была что надо: узкая продавленная кровать с тусклым матрасом, две табуретки, полка на стене. Работала только одна розетка. Туалет за тонкой перегородкой, и вода из бачка текла беспрерывно. Алексей бросил полученные простыни и полотенца на кровать, сел рядом и откинулся к стене.

Так он просидел не меньше часа.

Потом в дверь постучали.

— Да, — сказал Алексей. — Не заперто.

Вошёл мужчина лет сорока пяти в спортивных штанах, но в пиджаке. Лицо его было того

замечательного не-характерного типа, которое носят в обыденности знаменитые актёры и проповедники: чуть смазанные черты, чуть простоватая мимика. Два-три штриха — и лицо взрывается характером. Потом эти штрихи убираются...

— Здравствуйте, сосед, — сказал мужчина. — Вы вместо Кузьмы будете у нас работать? Давайте познакомимся. Я веду аккордеон и сольфеджио, зовут меня Юрий Петрович. В общежитии этом несчастном живу по причине временной бесквартирности, ибо погорелец.

— Да вы что? — Алексей пожал ему руку. — Алексей Данилович. Тоже бесквартирен, но по причине простой безалаберности. Ну, проходите, что ли...

— У меня другое предложение. Вы пока ещё не обустроились, гостей принимать не с руки — пойдёмте к нам. Супруга будет рада. Чайку попьём...

Даже временное обиталище четы Неминущих, Юрия Петровича и Ольги Леонидовны, тоже преподавателя музыки (и домоводства по совместительству), оказалось на редкость уютным и удобным для жилья. У хозяина были золотые руки, у хозяйки — отменный вкус и глазомер. Только подняв глаза к потолку, можно было понять, как на самом деле мала эта комнатка, в которой чудесным

образом уместилось всё необходимое для жизни.

Сидели вокруг столика, сделанного из чертёжной доски и подставки для телевизора, на удобных парусиновых стульчиках. Пили очень вкусный чай из глиняного чайника и таких же глиняных кружек, собственноручно хозяйкой созданных на глазах изумлённого студенчества всего лишь за один урок обучения лепке. Разговаривали как бы ни о чём. Было просто чудесно.

Но когда, наговорившись — три часа как не бывало, — Алексей вернулся в свою пустую и гулкую, как старый барабан, комнатку, полную следов давних временных жизней, он вдруг понял, что здесь кто-то без него побывал: разумеется, не в грубом вещественно-телесном виде... но своеобразный след злого присутствия зацепился за стены, остался на них, как невидимая глазом слизь... Алексея передёрнуло — просто от брезгливости.

Кроме того...

Он понимал, конечно, что его обязательно найдут, но не думал, что это произойдёт так скоро.

До того, как он сам найдёт то, что ищет.

— ...вылитый Том Круз! Он как из-за угла вышел с этой своей винтовкой, у меня сразу — у-уп! И молчу, как дура. Таращусь. А он: вы кто

такие, красавицы...

— На Круза даже совсем не похож, — возразила Чижик. — Я его в коридоре видела. Он скорее Сюткина напоминает, только в плечах здоровый, как Арнольд. И походка такая... вот он просто идёт, а понимаешь, что крадётся.

Санечка молчала. Новый военрук её интересовал мало. Ей было жалко старого, и она уже дважды ходила его навещать. Кузьма Васильевич больше лежал, прогуливаться выходил только на балкон. Комната его была пропитана застарелым табачным дымом, на стене висели фотографии в рамках. Нельзя сказать, что Кузьма Васильевич скучал: жена его, тоже пенсионерка, работала уборщицей в какой-то фирме и уходила из дому после обеда часа примерно на три, взрослая дочь жила рядом, внуки забегали из школы поесть и сделать уроки, — но Санечке он бывал очень рад: не забывают старика...

А сегодня вдруг снова дало знать о себе то золотое пятнышко в глазу.

Санечка, придя с занятий, разложила учебники, конспекты — завтра предстояла контрольная по дошкольной педагогике. Это была такая интересная наука, в которой каждое дважды два равнялось доброму утру. Тем не менее готовиться и сдавать нужно... Санечка приступила к чтению и вдруг поняла, что левым глазом не

видит ничего. Пятнышко не стало ярче, но оно приблизилось и расплылось в туманное, чуть светящееся облачко, и в этом тумане, ускользающие от взгляда, словно бы двигались какие-то фигуры и тени...

Она прижала ладонь к глазу и так сидела долго, пока не прошёл испуг. Потом она вспомнила про капли, стоящие в тумбочке. Она набрала немного прозрачной жидкости в пипетку, запрокинула голову и с трудом — рука тряслась, а глаз непроизвольно зажмурился — попала куда нужно. Капли были едкими, жгучими, но они помогли. Сейчас она сидела, прислушиваясь не столько к щебечущим птицам, сколько к своему восприятию действительности. Там, где было и угасло туманное облачко, все предметы становились как будто чуть более выпуклыми и подробными, будто между ними и глазом кто-то невидимый держал невидимую линзу... да вот только подробности эти нельзя было разобрать, потому что линза отъезжала вбок, в ту сторону, куда сместишь взгляд.

— ...вот, а потом мы пошли к Машке Шершовой домой, ну, ты её знаешь, а у неё брат полгода как из армии уволился, тоже бывший офицер, служит в какой-то такой охране и уже машину купил, так он так на меня посмотрел...

— И тоже похож на Тома Круза? —

подколола Чижик.

— Нет, — прыснула Сорочинская, — похож он больше на племенного бугая, но вот машина у него приличная, пятьсот двадцатая BMW...

Сорочинская славилась тем, что знала все марки машин и могла авторитетно рассуждать о них часами.

— А мне сон снился, — неожиданно для себя сказала Санечка. — Будто бы я — на свадьбе брата...

— А откуда у тебя брат? — удивилась Чижик.

— Нету у неё никакого брата, — объяснила Сорочинская. — Это-то и интересно.

— Да. И всё равно я знаю, что этот человек мой брат, зовут его Войдан...

— Не бывает такого имени, — заявила Чижик.

— Дай рассказать, — зажала ей рот Сорочинская. — В кои веки раз наша принцесса решила что-то рассказать, а ты!..

— Почему принцесса? — спросила Санечка.

— Ой, да это мы тебя промеж собой так прозвали: ручки помыть, ушки помыть, шнурочки погладить... Рассказывай.

— Я-то как раз нормально живу, — обиделась Санечка, — это вы в грязи какое-то удовольствие находите...

— У меня мамка дома по два раза в день полы мыла, — тихо-тихо сказала Сорочинская. — И что

она видела, кроме этого пола? А руки у неё какие стали... Да ладно тебе, я же не в обиду сказала.

— Я тоже зря брякнула. Извини, Валечка. Ох... и всё равно настроение пропало.

— Ну, расскажи-и... — протянула Чижик. — Ну, чего тебе...

— Да там нечего рассказывать. Просто странный какой-то сон. Яркий, но ни о чём. Я так не умею рассказывать. Очень долго все куда-то идут. И я иду, но меня вроде бы не видят. Или делают вид, что не видят. И все чего-то ждут. Ничего не говорят, но почему-то понятно, что вот-вот — и начнётся... Приходят в церковь. Красивая такая, из белого камня. Только почему-то крестов нет. На берегу реки. Там... ну, как в кино: священник весь в золотом, свечи горят, хор поёт... и вот ещё интересно: голоса вроде бы и слышны, а в то же время — полнейшая тишина. Как в кино в том же: изображение есть, а звук отключён. Священник брата венчает, и я вдруг со стороны вижу, что венчает-то он его — со мной... только с мёртвой. Я — невидимая — это вижу, и я же — мёртвая, старая — там стою. А все видят какую-то другую...

— Ну, мать, — сказала Сорочинская, — пора тебе замуж. А то насмотришься таких мультиков, и ку-ку.

— Давай её сосватаем за нового военрука, —

предложила Чижик.

— Да ну его, — сказала Сорочинская. — Ни кола ни двора. Живёт в нашей общаге...

— В нашей? — почему-то удивилась Санечка.

— Ну да. На втором этаже, в семейном крылышке...

В своей пустой комнате Алексей застелил кровать, лёг не раздеваясь поверх одеяла и стал смотреть в потолок.

Похоже, надо было что-то делать, и делать как можно быстрее.

Ах, Еванфия... как же ты позволила так задёшево убить себя? А ты, Домнин многомудрый, не догадался, что дойти до цели — это не задача; задача же — найти девицу среди сотен подобных ей...

В легендах было просто: по щеке искомой особы ползла мушка, или катилась слеза, или птичка бросала отметину с большой высоты. Ничего подобного здесь ждать не приходилось. Даже прямой вопрос был неуместен и бессмыслен, поскольку кесаревна спрятана на совесть — в том числе и от себя самой. И надо сейчас, не вставая с кровати, самому придумать способ распознать её... причём распознать быстро, надёжно и по возможности незаметно.

Но ничего, кроме примитивного просмотра

журналов, где обязательно должен быть указан домашний адрес студентки: село Салтыковка Озёрского района (туда его вывели карты, и там лежала Еванфия), — он не придумал. Так что придётся ждать завтрашнего дня.

Он покосился на стены, всё ещё запятнанные невидимой слизью, и вдруг подумал, что это могли искать не его.

Конечно же!..

Спать было нельзя.

Алексей надел мягкие чёрные кроссовки и вышел в коридор. Было начало третьего.

Большой дом спал. Здесь, не в точечном объёме каморки, а в ломаной линии коридора — он почувствовал, как шевельнулись где-то глубоко угнетённые местными законами те малые умения, которыми он владел. Но — только шевельнулись... и тут же съёжились, как нежные листья мимозы.

Может быть, всё складывается к лучшему, подумал Алексей. Самый надёжный способ невовремя выдать себя — начать тревожить тонкий мир. Будем просто внимательно слушать...

Широко простирает уши свои отважник Пактовий в дела человеческие. Подпись: Мих. Ломоносов. Что-то похожее было написано на траченном непогодой щите у ворот страшно вонючего завода... Алексей ехал в автобусе из Салтыковки на станцию Озёрск, чтобы там сесть на

электричку, и, проехав этот завод, автобус остановился, два парня с одутловатыми мордами просунулись в дверь и спросили хмуро: кому и сколько? Человек пять подали им деньги и получили по одной или по две пластиковых бутылки с прозрачной жидкостью, потом уже Алексей догадался: спирт... «А милиция у них купленная вся», — сказал один из покупателей, с ним как-то отчаянно согласились, автобус же тем временем катил дальше, по обе стороны дороги были заснеженные поля, очень далеко чернел лес и стояли грязно-розовые дома.

Внизу, в застеклённой и зарешёченной камерке, на медицинской кушетке спал милиционер. Спал бдительно: как ни тихо шёл Алексей, он приподнял голову и посмотрел на него.

— Ты кто? А, сообразил. Новый военрук?

— Так точно. Извини, что разбудил...

— Да я не сплю. Днём выспался.

— Я вот тоже... Вообще не могу на новом месте, пока не привыкну.

— Знакомо. Куришь?

— Курю, — Алексей нырнул в карман, достал «Кэмел» — единственный здешний табак, который чем-то напоминал настоящий.

— О, — согласился милиционер, Алексей наконец сосчитал его звёздочку: младший лейтенант. — Богато.

— Стараемся, — пожал Алексей плечами.

Они немного подымили молча.

— Как тут обстановка? — спросил Алексей.

— Всяко, — сказал милиционер. — На праздники было тяжело, теперь вот двадцать третьего февраля да восьмого марта — тоже концерты ожидаются... А так — ничего. Терпимо.

— Понятно.

— Через вход-то этот лезут отмороженные. Которые поумнее — тем девки из окон сами верёвки бросают. Но это уже не наша компетенция. Ваша, скорее.

— Ну да. Других забот нет.

— Есть, наверное. Но и эта тоже. Ты ещё новенький, а вот как начнёт с тебя директриса стружку снимать...

— Не начнёт. Слабо.

— Посмотрим. Из десанта?

— Спецназ сухопутных войск.

— Ого. И где служил?

— Спроси лучше, где не служил. Даже на Северном полюсе — и то служил полгода.

— Чёрта ты там делал?

— А мы там охрану аэродрома дрессировали. Чтоб не оплывали от безделья.

— Какого аэродрома?

— Ну, был там аэродром. Истребители стояли. Чтобы, значит, «бэ-пятьдесят вторые»

перехватывать над бескрайними просторами Арктики.

— Серьёзно, не свистишь?

— А смысл? Ты же не девушка, чтобы мне тебя ещё и очаровывать...

Так они поболтали минут десять, потом Алексей зевнул, сказал: «Кажется, всё-таки сморило...» — и поднялся на свой этаж.

Всё было ясно и так. Общежитие — отнюдь не неприступная крепость. Тем более от того противника, которого Алексей ожидал встретить. Но — следовало обязательно убедиться лично...

Утром, пока не собрались преподаватели, он просмотрел журналы групп. Из села Салтыковка была лишь одна студентка, из группы двести второй «А»: Грязнова Александра Горчаковна. Занятия военным делом с этой группой будут завтра шестым уроком. Дотянем до завтра, сказал себе Алексей, убирая журналы в шкаф и оставляя себе один: сто четвёртой. Первый курс на «А» и «Б» не делился, на нем учились только те, кто поступил в училище после восьмого класса. И был он по сути своей всего лишь бегом рысцей по оставшейся школьной программе.

— Не волнуетесь? — спросила через плечо завуч Раиса Ильинична.

— А надо? — в шутку обеспокоился Алексей.

— Не обязательно, — махнула она рукой. — Уж вас-то они будут слушаться при любых обстоятельствах. Везёт же некоторым...

Глава третья

Кузня

Звонок прозвенел как будто бы раньше времени. Алексей виновато развёл руками:

— Ну вот... не успел. С другой стороны, про отравляющие вещества вам и так всё известно — тараканов же травите? — а про Африку кто вам расскажет? Да и наверстаем мы эти газы, не велика премудрость... Всё, дамы. Не смею задерживать, поздно уже.

— Спасибо, — прошелестела сидящая за первой партой совершеннейшая девочка с косичками. Глаза у неё были угорелые. — Как интересно...

— И ещё, девушки. Грязнова Александра Горчаковна есть среди вас?

— Да, я... — Санечка подняла руку.

— Задержитесь на секунду, если не трудно. Всё, всё, по домам. Урок окончен.

Группа нехотя, словно выдираясь из дивного сна, стала собираться. Девушки видели перед собой

неистово зелёные весенние саванны, распластанные вершины баобабов, медленно вздрагивающие в беге золотистые шеи жирафов, пронзительные крики по ночам...

Алексей отошёл к окну, ожидая, когда класс освободится. За окном у серых сугробов — неимоверно снежная выдалась эта зима — топтались двое парней.

— Да, Алексей Данилович? — подошла Санечка.

— Александра Горчаковна, я правильно прочитал ваше имя? — спросил Алексей.

— Правильно, — сказала Санечка.

— Извините, а откуда вы родом?

— Из Салтыковки. Это Озёрский район, триста километров отсюда.

— Я знаю. Вашу маму не Еванфией Тихоновной зовут?

— Да... Откуда вы?...

— Тесен мир... Получается, Александра, что я — ваш сколько-то-юродный брат. Ваш папа был двоюродным братом моей тетушки Валентины, которая меня вырастила. Имя у него редкое: Горчак Гурьевич, — вот и запомнилось. Он ведь умер... давно?

Санечка смотрела на Алексея, часто моргая. Лицо её не выражало ничего.

— Или я ошибся? — забеспокоился

Алексей. — Не должно: Салтыковка одна, да и маленькая она...

— Мама тоже умерла, — с трудом сказала Санечка. — Полгода прошло.

— Боже, — сказал Алексей.

— Вот. И дом сгорел... Всё сгорело...

— Постой, сестрёнка, — нахмурился Алексей. — Как же ты живёшь?

— Да вот — живу. Был пай... за землю... ну, там ещё... Понемножку хватает...

— Понемножку — это как?

— Мало, если честно, — Санечка изобразила короткую улыбку. — Я тут подрабатывала ещё...

— Всё, — твёрдо сказал Алексей. — Не о том говорим. Этой проблемы у тебя больше не будет, забудь. Ах, как хорошо, что я тебя нашёл!

Шум это приятное происшествие наделало изрядный. Всё было как в лучших мексиканских сериалах. И только Санечка, про которую девчонки думали, что это она просто пришибленная внезапным счастьем, а потому такая совсем невесёлая, думала о другом.

В том её необычном сне — да, у неё был брат. Но тот брат её был совсем другой человек, не Алексей. Но и Алексей присутствовал тогда на свадьбе. Он стоял за её правым плечом.

На Алексее надет был ослепительно-белый

фрак. Или не фрак, но что-то с фалдами. Зачем такой белый? — спросила она там, во сне, и Алексей ответил серьёзно: чтобы видно было сразу, откуда стреляли...

Сон этот, что необычно для сна, не бледнел и не забывался, а напротив — становился как бы кусочком настоящей жизни, втискивался в какие-то промежутки между недавними событиями и сам грозил стать источником событий.

Прошёл всего вечер и день, а всё, решительно всё изменилось. Не снаружи, внутри. Теперь Санечка удивлялась себе, как это она могла жить без особого страха, зная, что в мире нет никого, кто бескорыстно к ней участлив, на кого можно положиться, опереться... и понимала, что всё это время страх — да что там страх, смертный ужас перед жизнью — жил в ней, но она так к нему привыкла, что перестала узнавать и давала ему другие имена.

Между тем Алексей разрывался: одна часть его, заметно большая, требовала немедленно хватать свежееобретённую «сестру» в охапку и нестись обратно, пока ещё есть время; вторая, о существовании которой он подчас забывал, но которая сейчас предьявляла себя во весь рост, говорила твёрдо и веско: ни одного несомненного доказательства того, что Александра Грязнова и есть искомая кесаревна, не предьявлено — если не

считать имён, которые, как известно, суть субстанция непостоянная. Действовать следовало только наверняка, и ошибка даже с одним процентом вероятности недопустима...

И с этим нельзя было не согласиться.

Но — время, время, время...

Он понимал, что сейчас даже минута могла многое значить. Между тем вести себя следовало так, чтобы никто не догадался бы о ходиках, которые упрямо и неумолчно тикают и в тебе, и вокруг тебя.

Была пятница, вечер, время стрелкового кружка. Алексей уже знал, что стрелковая команда в училище традиционно сильна, кубки её, грамоты и вымпелы занимали целый стенд — вкупе с фотографиями. Видеть юных будущих учительниц младших классов и воспитательниц детских садов с винтовками и пистолетами в руках было диковато, но к подобным вещам Алексей уже не то чтобы привык — привыкать было некогда, — а как бы отвёл им нишу. Там они и существовали, в этой специфической нише, следуя своей логике и своим законам.

Последние три года по разным причинам — и по банальной бедности, и по старости и нездоровью Кузьмы Васильевича, — команда на соревнованиях не выступала — да и проводились ли те соревнования?...

— Вольно, — Алексей обошёл строй: шестнадцать девушек, пожелавших приложиться к полированному ореху и чёрному эбониту ружейных лож; остался доволен. — Уважаемые госпожи курсантки! Есть ли среди вас те, кто раньше участвовал в стрелковых соревнованиях?

Таковых оказалось двое: посещали спортивную школу: Настя Гребенюк и Ирочка Полежаева.

— А кто ни разу не держал в руках оружие?

Трое смущенно вышли вперед: Оля Примакова, высокая и чуть неуклюжая, медлительная — задержавшийся подросток; Валя Чижик; Катя Слацова, смуглая метиска; все из группы Александры — сказывалась реклама.

— Отлично. Остальные, как я понимаю, иногда понарошку постреливали?

Так и оказалось: у кого-то был стрелковый кружок в школе, кто-то учился стрелять из охотничьего ружья дома, кто-то просто навещал тир.

— Вот и хорошо, — сказал Алексей, доставая из оружейного ящика пневматический пистолет и такую же винтовку.

— Воздушки, — разочарованно сказал кто-то в строю. — Сморкалки.

— Попрошу без оскорблений, — сказал Алексей. — Во-первых, чтобы вы знали: самое

дорогое серийное оружие сегодня — это пневматическая шведская винтовка «Горсин». Да и наши, как вы, леди, изволили выразиться, сморкалки — тоже на многое годятся, хотя и после некоторой доработки. Да и без доработки...

Он зажал губами несколько пуль и, со скоростью автомата перезаряжая пистолет, произвёл семь выстрелов. На чистом листе, повешенном среди мишеней, появился маленький кружок. Восьмую пульку он послал в его центр.

— Как сказал один знаменитый самурай, человек не должен зависеть от длины своего меча. С поправкой на специфику скажем так: стрелок не должен зависеть от калибра своего оружия. Главное — попадать туда, куда нужно, а не туда, куда получается. Если я всё правильно понимаю, государыни, спортивной славы вы не ищете? А просто намерены совершенствовать стрелковое мастерство, имея в виду реальную самооборону в сложных жизненных ситуациях?

Строй отозвался в том смысле, что да, примерно где-то так...

— В таком случае я прошу тех дам, которые уже чему-то где-то учились, хотя бы на время всё то — забыть. И вот почему... Кстати, можно разойтись и собраться именно в кружок, чтобы форма соответствовала наименованию.

Хихикнули. Образовали неровный полумесяц.

Александра — чувствовалось — очень волновалась.

— Скажу одну парадоксальную вещь, вы мне можете не поверить, но тем не менее это факт. Человек от рождения умеет стрелять из пистолета, равно как и плавать. В дальнейшем он об этом своём умении забывает, а попав в руки какого-нибудь невежественного прапорщика — и вовсе его утрачивает. Итак, первое и главное в стрельбе из пистолета — это не целиться. Не понятно? Демонстрируем на конкретном примере. Итак, представьте себе, что сейчас лето. Мы на лугу. Скошенном. Стога сена. Запах!.. — не передаваемый словами. И тут по небу... летит... зелёная ворона! Покажите на неё!

Взвизги, смех. Шестнадцать пальцев уставились в разные стороны.

— Отлично. А теперь, красавицы, очень осторожно, чтобы не помять, поднесите свои указующие персты к глазам и подвергните внимательному рассмотрению. Итак, указательный палец выпрямлен, слегка напряжён и устремлён вперёд. Средний — полусогнут. Безымянный и мизинец — почти прижаты к ладони, большой — немного отведён и почти свободен. Вот это и есть идеальное расположение всех пальцев, когда вы держите небольшой пистолет малого или среднего калибра — скажем, тот же «Макаров». Указательный палец вдоль ствола — им вы

целитесь. Именно пальцем. Средний — на спусковом крючке, который многие по неграмотности именуют курком. На самом деле курок находится совсем с другой стороны оружия. Безымянный палец и мизинец обхватывают рукоятку пистолета — в основном безымянный, потому что мизинец от природы слаб. Шпора рукоятки упирается вот сюда, в мягкое основание большого пальца. Прижимать рукоятку к ладони, вцепляться в неё — не надо. А теперь ещё раз... розовый гусь! Э-э... Катя свет Слашова, не надо целиться в гуся, сезон охоты ещё не открыт. Просто показывайте на него пальцем. Да, это неприлично, так не принято делать в порядочном обществе — но мы-то на лугу. На пленэре. Ага, вот так. Теперь посмотрите: если к костяшкам ваших пальцев приложить линейку, то она будет располагаться не вертикально и не горизонтально, а где-то под углом сорок пять градусов. Это значит, что при таком развороте кисти вам обеспечивается самое лучшее наведение пальца на цель. Точно так же вы будете держать и пистолет. И — повторяю — не целитесь глазами. Лучший стрелок из пистолета, которого я знал, имел зрение минус восемь с какими-то ещё цилиндрами... Человек устроен так, что зрению доверяет значительно больше, чем прочим органам чувств. В то же время зрительный анализатор самый сложный, самый капризный и самый

обманчивый. Я уже молчу о том, что он самый медленный. И если вы привыкнете наводить оружие на цель с помощью глаз, вы будете тратить впятеро больше времени, чем при нормальной стрельбе. Попробуем?

— А как же ружьё? — спросила Сорочинская. — Оно же так устроено, что иначе никак... ну, без глаз...

Алексей её понял.

— Вы правы, Валентина. Тем не менее и с ружьём можно научиться обходиться правильно. Представьте себе, что у вас в руках метла...

— Полетать захотелось... — подхватила Чижик.

— ...а по стене ползёт мерзкий таракан...

— Голубой, — сказал кто-то сзади.

— Что, и тараканы тоже?... — всплеснула руками быстрая Чижик.

— ...а по стене ползёт мерзкий голубой... — голосом Алексея произнесла Примакова — и зарделась.

— Кхм. И неужели же вы, Валентина, возьмёте метлу и станете совмещать на одной линии таракана, мушку и прорезь прицела? Думаю, что вы просто ткнёте мерзавца концом палки, и вся недолга. То же самое и с ружьём. Это очень длинная и лёгкая палка, и вот этим движением... — Алексей сделал плавный выпад, — вы одним

концом палки попадаете в цель, упираетесь плечом в другой её конец, а нажатие спускового крючка просто завершает вашу мысль. Но с винтовками мы потренируемся попозже, когда освоим пистолет, ибо он меньше по размерам и ближе к природе...
Прошу, кто первый?

Первой вышла Сорочинская. Лицо у неё было такое красное, что казалось испачканным — зато отчаянные глаза сверкали тем прекрасным блеском, который облагораживает кого угодно: женщину или воина...

— Я, Алексей Данилович.

— Отлично, Валентина. Ваша мишень вон та, самая левая. Ну-ка, покажите на неё. Спокойнее. Помните: мы на лугу, светит солнце, пахнет сеном... Вот так, очень хорошо. Держите пистолет. Свободнее. Глаза не зажмуривать, не щурить — просто смотреть. В руке ничего нет. Я понимаю, что эта мортира не так удобна, как карманный «Вальтер» или там «Марголин», но и её можно держать вполне непринуждённо. Короче — не обращая внимания на ту дрянь, что прилипла к ладошке, покажите мне на... большую бабочку! Ещё разочек. Ещё. Вот. Свободнее, Валя, раскованнее. А теперь — шевельните...

Хлопок выстрела.

— Семь, — сказал Алексей. — Очень неплохо. Пистолет первый раз в руках?

— Да.

— Тогда — просто великолепно. Отдохните, Валя. Кто хочет ещё? Прошу, мисс...

Отстрелялись по первому кругу. Почти все попали в круг мишени, Катя Слацова выбила девятку, Александра — десятку. Второй круг проходили с худшим результатом. Не целиться! — повторял Алексей, не целиться, только не целиться! Рука сама всё знает и умеет — позвольте ей! В третьем и четвёртом кругах появились лидеры: Александра, Катя и — неожиданно — Чижик. Чуть хуже, но тоже неплохо шла флегматичная Оля Примакова. Полежаева и Гребенюк оказались где-то на предпоследних местах. И ни разу не попала в мишень только Женя Викторович — строгая и подтянутая, больше всех из присутствующих похожая на учительницу. Кажется, ей было очень обидно, но она старалась не подавать виду.

Два часа прошли слишком быстро.

— Всё, бойцы, — сказал Алексей. — Начинает сказываться усталость. Вы будете только мазать, а я вообще сейчас упаду. До следующей пятницы! — и, преодолевая вал недовольства, рявкнул в четверть голоса: — Куррррранты! Становись! Рравняйсь! Смиррррно!

Строй образовался необыкновенно быстро — будто кто-то натянул невидимую верёвочку.

— Вольно. На сегодня стрельба окончена. Дома ещё поотрабатывайте основное упражнение, — Алексей выбросил вперёд указательный палец. — Тема следующего занятия — стрельба с доставанием оружия из кобуры. Кто видел «Великолепную семерку»? — он обвёл глазами строй. — Неужели никто? Тогда показываю ещё одно упражнение, будете отрабатывать друг с дружкой. Курсант Викторovich, подойдите ко мне.

Женя встала перед ним. Губы её были поджаты, в глазах прятались слёзы.

— Вы умеете хлопать в ладоши?

— Просто так?

— Да. Вот просто так — хлопните перед собой. Хорошо — ещё раз, только побыстрее. А теперь смотрите: в руке у меня ничего нет, пистолет в кобуре на боку. Вот он. Ну, кобуры у меня тоже нет, а вместо пистолета... дайте, что ли, расчёску. Спасибо. Вот, сую за пояс. Теперь вы можете хлопать в ладоши...

— А почему вы не возьмёте этот? — показала Катя.

— Потому что мне придётся направлять его в сторону живого человека. Правило номер два — никогда не направлять оружие — пусть разряжённое, пусть вообще безопасное — в друга. Только во врага. Запомнили?

— Запомнили.

— Итак, приступаем. Женя...

Женя, напряжённо выждав секунды две, хлопнула — и ладони её обхватили руку Алексея с зажатой в ней расчёской.

— Ух ты! — сказала Чижик очень громко.

— Ещё? — предложил Алексей. —

Постарайся меня обмануть.

— Поняла...

Женя снова хлопнула, сделав обманное перед этим движение, и хлопнула повыше — однако рука Алексея опять оказалась между её ладонями.

— Собственно, это всё, — сказал он. — Потренируйтесь. Рразойдись! Саша, пока не уходи. И вам, Женя, мне надо сказать пару слов.

Он дождался, пока горизонт очистится.

— Вы слишком зажаты, Женя. Из вас может выйти очень хороший стрелок, но для этого вам нужно научиться расслабляться. Вы вообще-то хулиганить умеете? Вести себя свободно? Разбить в училище окно и удрать — сможете? Хотя бы мысленно? Вот вам задание на неделю: совершить один безрассудный поступок, а на следующее занятие кружка прийти, выпив бокал вина. Ясно?

— Да... но я, наверное...

— Придёте обязательно. В вас заложено всё, что потребно хорошему стрелку, — нужно себе просто разрешить. А пока бегите, вы тоже устали.

— Спасибо, Алексей Данилович... но я, наверное, всё-таки не приду... До свидания.

Она повернулась и ушла — маленькая, прямая и гордая. Алексей покачал головой, повернулся к Сане:

— Сестрёнка, я вот думаю: как ты смотришь на то, чтобы прокатиться завтра до Салтыковки и обратно?

— Н-не знаю... — Санечка нахмурилась. — А зачем?

— Хотя бы просто положить цветы на могилу. Ну и... всякое такое прочее. Может быть, пожелаем мы с тобой дом восстановить — хватить, а место занято? Они же там уверены, что ты круглая сирота и что это почти то же самое, что круглая дура. Вот мы и проведём, как это называется, демонстрацию флага. Как ты считаешь?

Санечка никак не считала. Она даже не могла бы сказать, хочет она ещё раз увидеть родные края или не хочет. Но их, родные края, положено любить и видеть во сне... и так далее. Не испытывала она никакого душевного трепета от предвкушения вновь пройти по единственной — правда, длинной — улице села от церквушки при кладбище до заваленного, наверное, снегом родного пепелища — в самом что ни на есть прямом и грубом смысле этого слова. И ехать: три часа на электричке, полтора на автобусе...

— Поедем, — сказала она.

— Отлично. Но только встаём рано — без четверти шесть.

— Да, я знаю... Я даже могу тебя разбудить, в дверь постучать. Хочешь?

— Не надо, — он тихо засмеялся. — Уж просыпаться-то я умею и сам. А вот чайник — поставь...

Проходя мимо приоткрытой двери чужой комнаты, Санечка услышала чужой разговор:

— ...только голос его услышу, как уже мокрая. И дура душой. И ведь понимаю, что...

— Ничего ты не понимаешь...

Она быстро прошла дальше, чтобы не услышать ненароком чужих тайн. Или гипотез.

Можно было найти машину: с водителем, хорошо ему заплатив, или без водителя — Алексей даже предварительно договорился об этом на соседней автостоянке. Можно было даже купить задёшево подержанную развалюху. Но тихий голосок из-за правого плеча сказал: не надо. В дороге старайся быть рядом с другими, с посторонними людьми... И Алексей послушался совета.

Он взял из ружейного ящика старенький потёртый «Марголин», перебрал его, вычистил и

смазал. Набил две обоймы. Сунул в карман ещё три коробки с патронами. Выносить оружие и боеприпасы за пределы тира законами строжайше запрещалось, но...

Но.

В своей комнате он лёг на кровать и заставил себя уснуть до полуночи. Проснувшись, он сел, прислонился к стене — и стал чего-то ждать в темноте. Ромб тускловатого света от уличного фонаря неподвижно лежал на потолке.

Днём уже капало с крыш, но за ночь тротуары и дороги успевала обтянуть ледяная шкурка. Алексей и Санечка добрались до вокзала с небольшим приключением: автобус занесло на повороте и выкинуло на полосу встречного движения — слава Богу, пустую. Алексей сжал зубы. Это могло и не быть случайностью...

Билеты он взял не на электричку, а на отходящий десятью минутами раньше иркутский поезд. Озёрск был довольно большим — почти стотысячным — городом, и все проходящие поезда там останавливались.

В купе тихо спала серенькая старушка в чистом платке. Они тихо, не будя её, сели на противоположную полку. Санечка скоро задремала под монотонный перестук, а Алексей сидел, глядя куда-то мимо проплывавшего грязно-белого

неряшливого пейзажа, и никак не мог понять, о чём думает. Будто бы думал он на иностранном языке.

Санечка шевельнулась, щека её передёрнулась, она что-то сказала невнятно. Потом — привалилась к плечу Алексея и замерла. Он скосил глаза и посмотрел на неё. Теперь он знал, что к Еванфии можно не ехать: он видел кесаревну тогда, накануне исчезновения. Лицо спящей у его плеча девушки несомненно было лицом того самого шестилетнего сорванца-ребенка — в венке из жёлтых лилий...

Но не выпрыгивать же теперь из поезда, не рвать же стоп-кран?...

Автобус «Озёрск-Глыза», проходящий через Салтыковку, отходил от вокзала через полчаса. Они немного погуляли по окрестностям. Озёрск был городом старым, купеческим, но запущенным до последней степени. В нём было по-настоящему грязно даже зимой. Ярким пятном в пейзаже оказались разве что новые ворота рынка, сложенные из жёлтого кирпича в виде триумфальной арки. Какие-то местные скульпторы, матерясь, колдовали над цементным барельефом, где можно было различить гроздь винограда и чью-то толстую задницу — символ материального благополучия.

Возле этих триумфальных ворот в киоске с гордым названием «24 часа» торговали всяческими

водками, хлебом, колбасой и консервами. Алексею бросилось в глаза название на жестяной банке: «Мясо рулек».

— А кто такие рульки? — спросил он.

— Не знаю, — ответила тощенькая киоскёрша. — Купите, попробуйте.

— Ничего себе, — сказал Алексей. — Помру — и не буду знать, от чего.

— Как помрёте?! Как это помрёте?! — возмутилась киоскёрша. — Они у нас свежие!

Алексей посмеялся, но купить предпочёл батон, палочку датской салями и литровую бутылку «Спрайта».

Цветочный киоск тоже был уже открыт, и Алексей приобрёл большой букет белых хризантем.

В автобусе Санечка уже не спала и рассматривала окрестности со странным выражением: будто про себя укоряла их за что-то.

— Кто на Салтыковке?...

— Мы.

Указатель: «Салтыковка — 0,3». Но ничего не видно с дороги из-за голых берёз и густой высокой черёмухи...

Могила Еванфии была на самом краю кладбища, у задней ограды. За оградой валялись припорошенные снегом старые венки. Алексей присел около жестяного памятника, на котором всё было неправильно, кроме даты смерти. Смёл снег с

холмика, положил цветы. Как ты там? — спросил тихо. Алёшенька... холодно, холодно мне... как же тут холодно... Подошла и встала рядом Санечка. Ах, девочка моя, ах, донюшка, ах, свет мой ясный, Отрада... повзрослела-то как сразу... Алексей покосился на Санечку: слышит или нет? Но та, кажется, не слышала. Прощай, тётушка Еванфия, подумал он, уходим мы скоро — туда. Не увидимся больше. Прощай. Прощай и ты, отозвалась Еванфия вдруг спокойно и светло, иди и береги её, Отраду нашу, а я уж полежу тут... не думай обо мне и даже не вспоминай. Привыкла я — покойно... Прощай. Прощай, — Алексей встал.

В этот момент Санечка вздрогнула. Алексей не касался её, но — почувствовал это. И какое-то далёкое — ближе, ближе — скольжение за могилами, за непрозрачными заснеженными кустами, за сугробами, за низкими ёлочками, за оградями... осыпался с ветки снег, взлетела ворона...

Шагах в пятнадцать из-за могилы вышла и остановилась большая серая псина. Пасть её была приоткрыта, верхняя губа задралась и подрагивала. Глаза смотрели как бы мимо людей и — были неприятно мутные, с этакой тухлятинкой. Следом вышла вторая точно такая же, странно задирая голову, будто пыталась почесать затылок об оградку.

— И вон... — прошептала Саня.

Слева стояли ещё три собаки — простые деревенские дурочки-пустолайки. Но сейчас они молчали и так же смотрели мимо людей. Шерсть на мордах их смоклась в сосульки.

Алексей посмотрел направо. И оттуда приближались несколько псов — шли медленно и упорно глядя куда-то чуть в сторону.

Взяли в кольцо. Хорошо, что сзади забор.

Он осторожно отодвинул Санечку под левую руку, достал пистолет. Опустил предохранитель. Шесть патронов. Целей — девять.

Собаки бросились — молча. Все сразу.

За две секунды Алексей выпустил четыре пули. Он стрелял расслабленно и неторопливо — точно так, как учил вчера девушек. Тонкая пулька «Марголина» (по иронии судьбы, точно такая же, какими стреляли древние револьверы «велодог», предназначенные специально для того, чтобы велосипедисты могли отстреливаться от дурных собак) не способна была ни остановить, ни отшвырнуть несущуюся тварь, и уже мёртвые собаки пробегали несколько шагов и даже пытались прыгнуть. Но прыжок у них не получался...

Он пристрелил самых опасных, на его взгляд: больших серых, похожих на волков, голенастую чёрную, в недавних предках которой имелся доберман, и белую в пятнах дворнягу, огромную

просто по капризу природы. Но и остальные дорогого стоили, и Алексей с трудом отбил их первый наскок, расшвыряв короткими ударами ног и локтей. Они вскакивали и снова бросались, будто не понимали боли, и он выпустил последние два патрона, приготовившись орудовать пистолетной рукояткой, но оставшиеся собаки, те самые дурочки-пустолайки, вдруг словно бы опомнились и с визгом бросились врассыпную. И с громким криком ужаса с недалёкого креста стремительно взвилась, забыв поджать лапы, ворона, просидевшая там, вопреки основным вороньим правилам жизни, всю эту громкую и страшную схватку.

Кто-то освоил и в этом мире малое, но очень полезное умение: повелительно говорить со зверьём и видеть чужими глазами...

И этот кто-то только что весьма умело провёл разведку боем и теперь знал, наверное, всё, что хотел знать.

Санечка шумно, со всхлипом, вобрала воздух. Её начало трясти.

К ним уже бежали какие-то люди...

В кабинете директора совхоза, который теперь назывался акционерным обществом, их напоили горячим чаем. Директор, Анатолий Петрович, лысый жилистый мужик лет пятидесяти, показался

Алексею человеком честным и обстоятельным. Обретению Санечкой брата он искренне обрадовался и даже (под незаметным нажимом Алексея) «вспомнил» приезжавшую в гости к Еванфии золовку... Совхоз в его руках не процветал, но и не тонул, уверенно барахтался в волнах и имел хорошие перспективы. Выплачивать Санечке стипендию он, может быть, и хотел бы, но пока не мог себе позволить — однако хозяйственный пай её готов был выкупить в рассрочку на пятнадцать лет. Получалось примерно двести пятьдесят тысяч в месяц. И на земельный участок под застройку никто не претендовал, это была Санечкина неприкосновенная собственность, в чём Алексей мог убедиться: вот она, бумага... А что касается собак... ну никогда такого не было, просто даже не верится. Санечка почти не пострадала от укусов, порваны оказались только пола и рукав старой шубки; у Алексея оказались разодраны и рукава куртки, и обе штанины, на левой икре выдран приличных размеров клочок кожи; царапин же и мелких ранок от зубов было множество. Прибежавшая фельдшерица только ахнула — но перевязала быстро и грамотно, хотела вкатить противостолбнячную, Алексей сказал: привит ещё на семь лет вперёд.

Заглянувшему пожилому милиционеру Семёну Семёновичу Алексей предъявил

оформленную по всем правилам лицензию на оружие. Да Семён Семёнович и не имел претензий — так, для порядку...

Потом Санечка и фельдшерица — как оказалось, племянница директора — уселись зашивать порванную одежду, а сам директор и Алексей, натянувший на себя какой-то немыслимый меховой полукомбинезон из директорских запасов, вышли покурить.

— Я понимаю, чего ты приехал, — сказал директор. — Сироту, мол, всяк обидеть норовит... Не обидим, не бойсь. Ты сам-то получше за ней смотри, там, в городе — как бы чего не того. Хорошая уж больно девка, жалко будет. Щас таких перестали почти и делать-то...

На автобус чуть не опоздали: даже махали и кричали вслед, и, тронувшийся, он притормозил, дождался и открыл заднюю дверь. Можно было, конечно, и опоздать, директор предлагал довести на машине до Озёрска, но Алексей отнекался. И вот теперь, усевшись на заднем сиденье над горячим мотором, он испытал прилив беспокойства: если охота началась, не рискует ли он невинными людьми, что вокруг него... Он сознавал, что люди эти, обитатели пространств Велесовой кузни, существуют не вполне, что во многом они не более чем плод воображения и самого старого Велеса, и его, Алексея, — но вот что-то очень сильное,

проснувшееся где-то внутри, заставляло его относиться к окружающим полуфантамам так же, а может быть даже и нежнее, чем к несомненным людям.

Возможно, он сделал ошибку, что не задержался и не воспользовался предложением директора: тогда он рисковал бы только одним водителем, а так... В автобусе сидело десятка полтора человек; отсюда, сзади, Алексей видел только платки да дешёвые кроличьи шапки. Лишь на переднем сиденье располагалась явно зажиточная парочка: элегантная дамская шляпка из норки и мужская бобровая ушанка...

— Алёш... — тихо сказала Санечка. — Я тебе раньше не говорила... у меня что-то с глазом. Перед Новым годом началось. Потом вроде бы прошло. Яркий свет. Яркий жёлтый свет. Всё застилает. Обычно когда разволнуюсь. Там, на кладбище... а теперь вот опять. Врач велел лечиться, а я, как дура набитая...

— Раз велел, будем лечиться, — сказал Алексей.

У него самого нервы были напряжены до предела. Что-то вот-вот грозило произойти.

Грозило... Слева, со стороны недалеких низеньких гор, очень быстро неслись, стелились, накатывались белые поверху и уже непроглядно-чёрные снизу клубящиеся облака.

Яркая даже при свете ещё не скрывшегося солнца молния побежала под тучами, взрывая мрак. Люди обернулись на неё, кто-то привстал, чтобы лучше видеть. Молния сверкнула второй и третий раз, долетел сухой звонкий гром. Потом облака замерли на какое-то время, и Алексею показалось, что всё вокруг стало близким и плоским — рисунок на стенах туннеля, трубы, в которую всё глубже и глубже, без шансов вернуться, начинал всасываться автобус... сейчас эта картинка поползёт назад, быстрее, ещё быстрее, сменится другой, третьей — мелькание — и дальше не будет уже ничего, кроме шершавой каменной стены и грубых швов с потёками цемента...

Он стряхнул наваждение. Туча приближалась. Вот-вот начнется метель. До Озёрска было километров тридцать — тридцать пять.

Снег догнал и ударил сзади. Автобус качнуло. Окна сразу же залепило снаружи, изнутри они запотели. Стало по-настоящему темно. Водитель включил дворники и снизил скорость. По ногам потянуло холодом. Впереди в свете фар клубилось непонятно что. Молния расколосась над головами — страшный гром сразу же за вспышкой, заставившей пылать голубым огнём летящие хлопья. Алексей оглянулся. Два красных вихря летели следом. Автобус уже еле полз. Алексей подвинулся к окну, протёр стекло. Чёрную дорогу

низко перелетало бесконечное белое кружево. Оно становилось всё плотнее и плотнее.

— Как красиво... и как страшно, — прошептала Санечка.

Местами по какому-то капризу ветра снег переметал дорогу, образуя плотные и пока ещё невысокие поперечные и косые валы — но прошло-то всего несколько минут... Автобус с натугой преодолевал заносы, раскачиваясь и завывая. Странно — с момента, когда началась метель, встречные машины куда-то исчезли...

Ощутимо похолодало.

Снег на минуту как будто перестал, хотя мрак сгустился. Почти прямая вертикальная молния врезалась в одинокую старую берёзу, стоящую в сотне шагов от дороги. На миг дерево будто опутала ослепительная паутина. Потом всё померкло, и красноватый огонь, взметнувшийся из расщеплённого ствола, казался тусклым.

— Господи Боже, Господи Боже, Господи Боже... — громко бормотал кто-то впереди.

Ветер ударил в бок автобуса с такой силой, что наклонил его и развернул почти поперёк дороги. Мотор заглох, и тут же погасли фары. Правое заднее колесо то ли спустило, то ли соскользнуло в канаву. Накренившись, автобус замер.

Стало слышно только, как ревет ветер и как

потрескивает, остывая, двигатель.

Стартер несколько раз бессильно взывал, будто бросался грудью на непреодолимую ледяную стену. Потом водитель, кряхтя, выбрался из своего кресла и встал в проходе. Был он толст и как-то нелеп.

— Мужики, — сказал он, — а ведь толкать надо. Тут метров сто, и начнётся спуск. Заведётся с толкача.

— Аккумулятор хороший иметь надо, — буркнул кто-то. — За что платим? Пешком дешевле ходить.

— Да нормальный аккумулятор... не знаю, что и думать. Может, от грозы?... Мужики, помёрзнем ведь, если застрянем. Толкнём, а?

— Чёрт, так и думал, что какое-нибудь говно выплывет, — пожаловался кто-то и встал. — Пошли, что ли.

— Ты со мной, — тихо сказал Алексей. — Не отходи ни на шаг. Понимаешь? Ни на шаг.

Ему представилась картина: скользящий под неведомый уклон автобус, и в заднем стекле — белое пятнышко лица...

— Я хотела тебе шапку дать, — сказала Санечка. — Ты замёрзнешь.

Алексей усмехнулся. У Санечки была белая вязаная шапочка.

Водитель открыл заднюю дверь. Оттуда

дунуло таким лютым холодом, что Алексей крякнул от удивления.

В передней части салона тем временем начался скандал.

— Тебе что, козёл, особое приглашение требуется? — мужичок в чёрном тулупчике нависал над дорогой шапкой, которая упрямо отворачивалась к окну. — Наели хари на наших харчах... Ну, идёшь? Идёшь, сучара?

— Ему нельзя, — тихо кричала женщина, — ты что, не видишь, он старик, у него большое сердце...

— Не бзди, мамаша, от свежего воздуха ещё никому не плохело...

— Костя, не смей! Не пушу! — женщина вскочила, вцепилась в своего. Тот поднимался: действительно, лет шестидесяти мужчина... Выходящие приостановились, оглядываясь.

— Ты, тулуп! — рявкнул Алексей, поднимаясь. — А ну — работать! За порядком шофер последит.

— О, защитничек... ну, щас... Да ладно. Сиди уж, пададь. Ничё, скоро мы вас всех — как в семнадцатом...

Обходя Алексея, он подчёркнуто смотрел в сторону, но по Санечке неприятно прошёлся взглядом.

Ветер, может быть, и не валил с ног, но всё

тепло из-под одежды выдул на счёт «раз». Лицо стянуло холодом, ресницы слипались. Вмиг одубели пальцы в тонких перчатках.

Одиннадцать человек пристроились сзади мёртвого автобуса, упёрлись кто куда — и, придыхая: «...три!» — стали выталкивать его из кювета. Холод пропал — только дыханием обжигало горло. Потом — ниже горла... Постепенно тяжёлая махина раскачалась и выползла на полотно дороги. Не останавливаясь, её покатали вперёд. Медленно, медленно... быстрее. Дорога, кажется, действительно намеревалась пойти под уклон. Наконец уже все бежали, только придерживаясь за машину. Ветер свистел натужно. Под ногами взвизгивал круто схваченный, утрамбованный влёт снег.

Не останавливаясь совсем, автобус притормозил. Бурлаки по одному стали запрыгивать в открытую дверь. Алексей видел, что чёрный тулупчик пропускает всех вперёд, и потому сам не торопился. Вот они остались втроём: тулупчик, он и Саня. Вновь налетел плотнейший заряд острого, как осколки стекла, снега. Алёша! — крикнула Санечка, но он прекрасно видел и сам: в руке у тулупчика был нож, а глаза его были мутные и смотрели мимо, как у тех собак — на кладбище.

Алексей сам не ожидал от себя такой вспышки гнева. Не к этому несчастному идиоту,

конечно... Он дождался, когда тулупчик нанесёт удар — в живот, с рывком вверх, — повернулся боком и, захватив его руку, ударил её о колено, ломая кости. И, не отпуская кисть сломанной руки, обвёл негодяя вокруг себя, на завершении полукруга сделал ему подсечку и отправил лететь дальше, под колесо медленно катящегося автобуса. Сам же, почти не прерывая движения, подхватил обомлевшую Санечку, посадил её в дверь и вскочил следом. Автобус встряхнуло...

Хруст и вскрик никто не услышал.

Дверь с лязгом закрылась. Автобус медленно катился, переваливаясь.

— Алёша... — прошептала Санечка; зубы её стучали. — Алёша, ты же его...

— Не я, — ещё тише прошептал Алексей. — Ты видела его глаза?

Санечка помедлила.

— Да. Я... испугалась. Они были... неживые. Как у тех собак.

— Я потом тебе всё объясню, — прошептал Алексей. — Это всё очень сложно...

Их бросило вперёд, автобус затрясло, под сиденьем зафыркало: водитель запускал двигатель. Потом раздалось несколько глухих взрывов, они слились — мотор заработал. Дружелюбное гудение наполнило салон. Водитель остановил автобус и несколько минут газовал на месте, разогревая мотор

и на всякий случай подзаряжая аккумулятор.

Пожилая дама в меховой шляпке подошла к Алексею.

— Спасибо вам. Мне показалось, что уже никто не способен... а муж — он правда очень болен...

— Да что вы. Всё в порядке...

Кажется, становилось светлее.

Наконец, скрежежтнув шестерёнками, автобус уверенно тронулся. Небыстро, подпрыгивая на снежных ухабах, он скатился под уклон, потом начал карабкаться вверх. Ветер уже не выл так страшно, и снег падал редкий и мелкий.

Как ни странно, пропажи «тулупчика» никто не заметил. Или не захотел заметить...

Когда показались корпуса вонючего завода и мерзко-розовые дома заводского посёлка, метель прекратилась, а через минуту засияло солнце. Оно висело, окутанное дымкой, над ослепительной белой пеленой; чистейший снег сверкал так, будто светился ещё и изнутри.

Глава четвёртая

Кузня

В жарком поезде, за плотно запертой дверью

Алексей вдруг понял, что больше не выдержит без сна, и позволил себе упасть лицом на скрещённые на столе руки. Санечка, всё ещё ошеломлённая и подавленная случившимся, молча сидела напротив и, кажется, смотрела в окно. Алексей не то чтобы был до конца уверен, но достаточно веско полагал, что в поезде ожидать нападения не стоит. Он уже играл и за своего невидимого — пока — противника, планируя за него удары и располагая засады на себя самого...

Их, скорее всего, даже не станут ждать на вокзале. Сейчас враг сделает паузу, будет демонстрировать своё присутствие, беспокоить, чтобы истомить ожиданием, и чуть позже — легко прихлопнуть. И сделать это надёжнее всего там, где Алексей и кесаревна вынуждены будут разделиться, а именно в общежитии. Полминуты расстояния — может оказаться достаточно для... для всего.

Он уснул и тут же проснулся. Поезд колотило по стрелкам. Три часа просто исчезли — будто их не было.

— Я хотела тебя будить, — сказала Саня. — Мы приехали.

— Да, — он распрямился. Потёр руками лицо. За окном проплывал вечер — весь в фонарях и окнах. — Как твой глаз?

Саня потрогала глаз.

— Ничего, — сказала она с сомнением. —

Будто что-то там есть... но я его не вижу.

— Что-то? Или кто-то?

— Я... не знаю.

— Но оно тебя беспокоит?

— Сейчас нет. Но я... просто боюсь. Глаз... куда я без глаза?

— Ну, этого ты не бойся, — сказал Алексей. — Медицина сейчас мощная.

— Мощная... — Саня покачала головой. Показался вокзал: могучее тёмно-красное здание ещё царской постройки. — Мощная, да дорогая.

Алексей отпер дверь. В коридоре сгрудились выходящие пассажиры и те, кто продолжал путешествие, но желал размять ноги. Ничего подозрительного.

— Вот это пусть тебя не беспокоит, — Алексей вернулся за Саней, помог ей надеть несчастную её шубку. — У меня ведь на самом деле довольно много денег. Хватит на любое лечение. Просто мне надо будет забрать их у парня, который ими сейчас пользуется.

Ещё одна легенда. Не лучше и не хуже прочих. На всякий случай — для создания мотивировок.

Перрон встретил их прозрачной волной холода. Было за двадцать пять — и, похоже, что на этом падение всех термометров не остановится.

У выхода с перрона сгрудились тёмные

машины. Алексей махнул рукой парню в огромной рыжей шапке, сказал адрес.

— Это где пожар, что ли, был? — уставился на них парень и сам себе ответил: — Ну да. Точно там. Десятка-то хоть при себе найдётся?

— Найдётся, — кивнул Алексей, усаживая Саню и садясь сам. — А что за пожар?

— Хороший пожар. Машин этих пожарных штук двадцать стояло. Но быстро сгорело — часа три, и всё. Дом старый, перекрытия деревянные — труба. Ехал мимо — вот только что: дым, чад, девки ревут, конечно... одни только стены остались. Жалко, конечно, а что делать? Стихия.

— Все живы? Никто не сгорел? — в ужасе выдохнула Саня.

— Да откуда ж мне знать? Хотя... по новостям сообщали так: остались без крова... да. Про погибших не было. Точно, не было. Я бы заметил.

— Слава Богу, — хором сказали Саня и Алексей. Потом Алексей, подумав, предложил: — Слушай, друг! Если там всё так плохо... то отвези-ка нас лучше на Речной вокзал. А завтра уж мы с утра...

— Ну... можно вообще-то...

— Ещё десять с нас.

— А. Ну, тогда конечно. Только поедem не через центр, там сейчас крутые пробки...

— Алёша, а к кому мы едем? — тихо спросила Саня.

— К тому самому мальчугану, у которого наши деньги. Там не слишком комфортабельно, но тепло... да и еда кой-какая должна найтись. Как глаз?

— Никак... Что же это такое делается, а? Алёша...

Водитель через плечо посмотрел на них сочувственно:

— И вещей, наверное, много было?

— Все, — Алексей усмехнулся. — Осталось вот — то, что на нас.

— Ух ты... — он отвернулся, но ещё несколько раз пожал плечами, как бы ведя разговор сам с собой о странных пассажирах, которым вроде бы положено рыдать и рвать на себе волосы...

— Ничего, сестрёнка, — сказал Алексей, тихонько пожимая Сане руку. — Живы — значит, ещё побарахтаемся. Бояться нам с тобой нечего.

— А я и не боюсь, — сказала Саня. — Мне только... шкатулку мамину жалко... а так... так больше и не жалко ничего...

Об этой шкатулке Еванфия упоминала. Никаких свойств и значений у шкатулки не было, так — память... благоуханный розовый кедр, и на резной крышке — миниатюра работы молодого Саввия Богориса: вид на горное озеро Ксифир.

Тончайшая паутина трещин лежала на миниатюре...

— Может, её и вынесли, — сказал Алексей. — Если Птицы были дома, могли вынести. Найдётся — хорошо. Не найдётся...

Ещё лучше, закончил он про себя. Кузня — это такое место, где лучше не иметь привязанностей. Даже ни к чему не обязывающих привязанностей к вещам.

Казалось, что ехали долго. Упавший на город мороз — после оттепели — сделал улицы почти непроезжими. Вновь выползли и загромыхали страшные оранжевые пескометатели; под светофорами стояли долго и трогались с трудом; и на перекрёстке двух не слишком оживлённых улиц, озаряемая синими вспышками, воздвиглась некая авангардная скульптура из перекорёженного железа...

К Речному подъехали с необычной стороны, и Алексей даже не сразу опознал местность. Горели странного закатного света фонари, обманывающие сильнее всех прочих. Водитель помялся и взял только одну десятку из двух, протянутых ему. Кажется, он готов был отказаться и от другой, но это было бы совсем неприлично.

Саня вдруг поняла, что еле передвигает ноги. Площадь у тёмной громады вокзала была странно

пуста и светла, лишь вдали возле ярко освещённого киоска стояла парочка и что-то неуверенно покупала. Сане казалось, что они с Алексеем вязко движутся по голой, без декораций, сцене — перед полным залом, замершим в ожидании чего-то обещанного.

Путь их лежал под аркой во двор и дальше — к отдельному, за высокими деревьями, четырёхэтажному зданию. Первый этаж его был тёмен — там, видимо, располагалось казённое учреждение. На прочих этажах окна местами светились — но, по впечатлению, освещённых окон было меньше, чем в соседних домах.

— Вот и пришли, — сказал Алексей. — Сейчас на третий этаж... вон, окошко светится — наше...

— А удобно? — вдруг засомневалась Саня. Устав, она всегда начинала испытывать сомнения во всём, знала за собой такую особенность — и всё равно предпочла переспросить.

— Вполне...

Подъезд был полутёмен и грязен. Сане показалось, что своим золотым пятном она заметила какое-то волнообразное струение над самой лестницей — сверху вниз, — но, как всегда, взглянув в ту сторону, она отвела пятно в сторону и ничего странного больше не увидела.

Путь на третий этаж отнял последние силы.

На площадке между третьим и четвёртым лежал, обняв батарею, пьяный. Сильно воняло.

— Знают сокола по полёту, а добра молодца по пердячей трубе, — проворчала Саня. — Так у нас в деревне говорили...

— Да-да... — отозвался Алексей отсутствующе. Он нажал кнопку звонка — в недрах квартиры взревело глухо. Подождал немного, нажал ещё раз и не отпускал долго. Потом стал искать в карманах ключи. Сане показалось, что он растерян... ошеломлён... испуган... хотя ни одно из этих слов относиться к Алексею не могло.

Наконец он нашёл ключ и отпер дверь.

— Жди здесь...

Но Саня как бы не услышала. Жаркая вонь текла из недр квартиры. Где-то в глубине её горел свет, но сразу за дверью было темно. Алексей нашарил выключатель.

Вздвнувшееся тело лежало в двух шагах от порога. Лоснящаяся лужа натекла под ним. От лужи разбегались тараканы.

Саня громко икнула. Алексей быстро открыл дверь ванной, втокнул её туда.

— Побудь пока здесь. Слышишь меня?

Саня судорожно кивнула. Глаза её были огромные. Алексей пустил холодную воду, намочил край полотенца, обтёр ей лицо.

— Сейчас мы уйдём отсюда. Подожди

чуть-чуть...

Она кивнула ещё раз. Что же она обо мне думает, мелькнуло у Алексея и тут же пропало. Он вышел из ванной, сосредоточился и стал слушать.

Отголоски давней — прошло не меньше пяти дней, а то и недели — битвы въелись в стены. Здесь были люди... три или четыре человека... и с ними — громадная злоба. Даже обитатели недр Велесовой кузни не могут быть такими злобными...

От смрада слезились глаза.

Алексей почувствовал, что дрожит, встряхнул головой и осмотрелся. И вдруг понял, что обознался в главном.

На полу лежал не Апостол! Кто-то чужой. Незнакомый. Возможно, местный житель. Апостол... да, Апостола увели. Вот здесь он шёл...

Это было плохо. Очень плохо. Как ни кощунственно звучит, но — хуже, чем если бы он умер. Каким великим славом был хотя бы тот же Гроздан... На миг Алексей ощутил всё, что чувствует, наверное, воин, когда под ударом чужого меча голова его отделяется от туловища: острейшее осознание происшедшего и — полнейшая беспомощность, невозможность что-либо изменить.

Нет выхода...

Тропу им заступили.

Тем временем, пока сознание предавалось

греху паники, тело исполняло долг. Как ни странно, Апостол не сдал тайник, и сейчас Алексей, вырвав крышку стола, набивал карманы пачками денег. Аникит лежал здесь же, упакованный в длинную картонную коробку из-под спиннинга. В шкафу, к счастью, плотно закрытом — запах не просочился, — нашлись два толстых чёрных новых, ещё с не оторванными бирками, свитера, несколько пар тёплых носков и маленькая дамская куртка из дублёной овчины: Апостол успел сделать часть необходимых покупок.

Саня сидела на краешке ванны — очень бледная, даже синеватая.

— Одевайся, — подал ей вещи Алексей. — Сейчас пойдём.

— Алёшенька... что происходит? Господи, ведь...

— Выйдем отсюда — расскажу. Надевай это, своё можешь бросить.

Сам он прошёл на кухню. В холодильнике лежала палка твёрдой венгерской колбасы и стояло три баночки с плавлеными сырками. На подоконнике распласталась пустая зелёная дорожная сумка. Он бросил в неё продукты, второй свитер, носки, часть денег, взял Аникит под мышку и осмотрелся в последний раз. Ничто здесь больше никому не понадобится...

Саня ждала его. Они выскользнули на

лестницу. Дверь захлопнулась.

Воздух в подъезде казался нежным, свежим, арбузным. Но Алексей знал по опыту, что сладкий запах недавней смерти ещё долго будет преследовать их, прорываясь из самых неожиданных мест.

Мороз охватил их и принял в себя.

Саня уже несколько раз щипала себя за руку, чтобы убедиться в реальности происходящего — хотя каким-то слоем сознания отлично понимала, что щипки могут быть такими же эпизодами сна, как и сошедшие с ума собаки сегодня на кладбище, и самое кладбище, и свирепая зимняя гроза... Ей приходилось видеть сны с ощущениями побогаче и посложнее, чем простые щипки. Скажем, вчера она купалась в синем ледяном озере, и маленькие добрые рыбки, подплывая, щекотали и клевали её руки... было обжигающе холодно, льдинки кололи плечи, от горного солнца начинала гореть стянутая напряжённая кожа...

Из размеренной предсказуемой скучноватой бедной жизни она нырнула вдруг в тёмное, опасное, неизвестное... Страх распирает её, но при этом — трубы звучали в ушах, далёкие трубы, вызывая странную дрожь. Это было примерно то же чувство, что и при купании в том сотворённом сном озере: пронзительный холод, бодрящий, согревающий,

обжигающий...

Но пока что холод уверенно брал своё.

И страх почти смыкался над лицом, отнимая дыхание.

На подгибающихся ногах она едва поспевала за Алексеем, испытывая к нему что-то взрывное: то ли доверие, то ли наоборот... то ли ужас.

Ужас? Она не поверила.

Большой, сильный, уверенный... растерянный, что-то скрывающий... непонятный.

Саня где-то потеряла себя.

Она вынырнула из мути в неярко освещённом помещении со стойкой. Алексей что-то тихо объяснял пожилой женщине в строгом синем костюме, показывал свой военный билет, паспорт и делал успокаивающие жесты: мол, всё будет в порядке... Потом он подозвал Саню, взял у неё студенческий билет — единственный уцелевший документ — и стал заполнять какие-то листки. Саня догадалась, что он, наверное, селится в гостиницу, но мысль эта была поверхностная и вялая. «Я не могу спать с сестрой на одной кровати...» — услышала она сквозь непонятный шум. Она поняла, что ещё пять минут — и всё: она упадёт и уснёт прямо на этом полу, застеленном серо-коричневым ковром. А если кто-то попробует ей помешать...

Пошли, скомандовал Алексей, подвесил её за руку на свое плечо и отправился в долгое

путешествие по тёмным коридорам. Шаги были неслышны. Потом он отпер дверь — задержался на пороге, прислушиваясь — и вошёл. Зажёг свет. Номер был двухкомнатный! Быстро мойся, скомандовал Алексей, подталкивая её к двери в ванную комнату, и спать. Я не могу, я уже... Он нагнул её над раковиной, плеснул в лицо холодной водой. Делай как я велю, сказал он тихо. Обязательно вымой волосы — лучше в две воды. Что? — не поняла она. Вымой два раза. Так надо. Хорошо, согласилась она покорно.

Странно: она действительно сумела вымыться. Надевать после мытья старое бельё вдруг показалось противно. Алёша... дай простыню... Алексей просунул ей в приоткрытую дверь розовое хлопчатобумажное покрывало. Она завернулась в него и кое-как выползла. Быстро под одеяло — и спать, приказал Алексей. А ты? Успею...

Саня нырнула под одеяло и будто умерла там.

Алексей постоял над нею. Потом прошёл в ванную, быстро выстирал брошенное бельё и развесил на горячем змеевике. Коротко вымылся сам. Вышел, прислушался. Тишина. Вернулся в ванную, промыл волосы. Опять прислушался. Да, по-прежнему тихо. Голый по пояс, он сел на диван, привалился к стене. Потом — протянул руку, ухватил коробку, приставленную к стене. Открыл

её. Осторожно достал Аникит и положил себе на колени. Погладил объятую мягкой кожей рукоять. Теперь можно было расслабиться. Он неподвижно сидел и смотрел в окно — в промежуток между неплотно задёрнутыми шторами. Небо над крышами некоторое время оставалось чёрным, потом стало синеть. Больше ничего не происходило.

Глава пятая

Кузня

— Ты испугалась вчера?

Саня ответила не сразу. Почему-то не хотелось долго расписывать все свои переживания, но — нужно было сказать сейчас одну полную и окончательную правду. Коротко и точно.

— Испугалась. Да я и сейчас боюсь. Только... Вот здесь боюсь, — она поднесла руку к виску, — а здесь — нет, — провела от горла вниз. — Это нормально?

— Думаю, да, — Алексей развернул стул, сел на него боком, опираясь на спинку подмышкой. — Видишь ли... Мне нужно очень многое тебе рассказать, и я не вполне представляю, с чего начать, чтобы ты не подумала, что я свихнулся.

Может быть, вчерашнее... Как бы это...

— Вправит мне мозги? — засмеялась Саня.

— Заодно. Нет, я хотел сказать другое: что вчерашнее — только начало. Дальше может начаться такое...

Саня помолчала, глядя куда-то в угол. Потом тихо спросила:

— У тебя бывало: что-то происходит, и ты вдруг понимаешь, что уже видел это во сне... Может быть, не в точности, но — по сути?...

— Ты видишь сны? — спросил Алексей, чуть наклоняясь вперёд. — Расскажи — какие они?

— Мои сны? Они... Иногда мне кажется, что я больше живу во снах, чем наяву. Те люди — они такие... Ну, более... живые, яркие, разные... Но я не очень хорошо понимаю, что происходит между ними. Будто бы мне...

— Шесть лет, — подсказал Алексей.

Она нахмурилась:

— Да, пожалуй... А почему именно шесть?

— Потому что одной девочке было шесть лет, когда она бесследно пропала. Подожди минуту... — он взял блокнот и карандаш, и стал ловко рисовать, пристроив блокнот на колено. — Вот посмотри: узнаёшь?

— Ух ты... — Саня замерла. Станный холодок и трепетание возникли в груди. С листка, созданный несколькими уверенными линиями, на

неё смотрел хмурый бородатый человек из снов. — Откуда ты?...

И вдруг она вспомнила, что и Алексей был там, в её снах.

— Ты узнала его? — голос Алексея еле заметно вздрогнул.

— Да. Узнала. Там он... Такой... Главный. На нём красный плащ...

— Кесарь Радимир. Значит, ты его помнишь...

— Что это значит?

Холодок был уже не холодок, а — кубик звенящего льда.

...Когда обрушились невзгоды на Мелиору? Кого ни спросишь из учёных людей, все говорят разное. Кто-то производит счёт по звёздам и полагает, что всё решило появление лишней звезды в Водолее. Недолго просияла на небосклоне звезда, всего сто один день, но бед наделала на тысячу лет вперёд. Кто-то другой возводит начало к правлению безумного Гердана Деметрия, который, испугавшись подступающей тьмы, лишил жизни тысячи чародеев, до того вольно живших в Мелиоре, и вынудил оставшихся в живых искать спасения за морем. С тех пор и возникли на дальнем западе Конкордии, на самой её границе со Степью, тогда ещё дикой, чародейские обитатели, где искажали Закон и Завет. А кто-то третий уверен

был и других уверял, что всему виной любовное пламя, сжигавшее изнутри прекрасную купеческую дочь Еликониду и вдового престарелого кесаря Модеста Геронтия, вынудившего и Патриарха, и Сенат дать разрешение на этот неравный во всех отношениях брак. Прошёл недолгий срок, и кесарь скончался, так и не оставив сына — и золотым венцом, по букве закона, коронована была Еликонида. Одиночество её было кратким: юный красавец Орест Паригорий, побочный сын бесорёберного Модеста, завоевал сердце её и место на троне. У счастливых молодых родился сын Селиний, после чего Орест прожил недолго: Еликонида уступила бурному натиску слава Яромира Вендимиана, и нежным апрельским утром Орест был найден в собственной постели, задушенный во сне подушкой (так писали те, кто поскромнее; грубый же Василен Мудрый описал суть умертвления несчастного Ореста с солдафонской прямоотой, вследствие чего книга его так и лежала под многими замками на протяжении двух веков). Спустя положенное время Еликонида вышла замуж в третий раз, и с Яромиром они очень быстро создали трёх дочерей и сына Вельфа, после чего Яромир скончался в страшных судорогах, поскольку некий моряк Есен Парфений, сделавший стремительную карьеру из простых кормщиков в друнгарии флота, решил на этом не

останавливаться. Но здесь уж Сенат (изрядно к тому времени поредевший) стал насмерть, поскольку все на свете знали, что Есен и Еликонида суть двоюродные брат и сестра. То, что произошло потом, можно назвать переворотом: сенаторы взбунтовали чернь, два месяца в Филитополе, старой столице, шло буйство, пока наконец Еликонида, обвинённая в тысяче преступлений, не отрелась и не отдала себя на суд Сената. Но было поздно: Сенат хотя и успел провозгласить новым кесарем Юста Триандофила Справедливого, младшего зятя Модеста Геронтия, человека по-настоящему незаурядного, — но загнать вино безумия в бочку закона оказался уже бессилён: чернь увлеклась бунтом и увлекла за собой знать.

Началась первая война Кабана и Медведя. Ибо на гербе Вендимианов красовался чёрный кабан, а на гербе Паригориев — золотой медведь. И те, и другие были равно правы в своих обидах и равно обойдены в претензиях на трон Мелиоры... Война длилась двадцать шесть лет и закончилась подписанием мирного договора. На церемонии подписания сторонники Вендимианов набросились с вертелами на Паригориев и убили двоих детей...

Долго шли войны, и получилось так, что югом овладели Вендимианы, а севером и востоком — Паригории. Кесарь формально сохранял свою власть, но целиком зависел от семейств, ибо только

при их согласии указы его могли хоть как-то исполняться. Сенат не избирался сто двадцать лет... Семейства соперничали уже не столько за место на троне, сколько за места возле трона. Здесь осиливали то одни, то другие, но никогда победа не оказывалась полной. Наконец влияние кесаря упало до самой земли, и обедневший слав-однодворец имел куда больше власти — хотя бы в пределах своих владений. Походы северян на юг и южан на север привели к опустошению самой плодородной области Мелиоры — долины Вердианы. Там, где в начале смуты стояли три десятка городов, сотни сёл и многие тысячи хуторов, остались две военные крепости и считанные поселения то ли стратиотов, то ли азахов, которые даже косили и пахали, имея мечи за спинами. Тысячи мелкопоместных славов, потерявших свои имения и сохранивших лишь гербы, мечи, руки и верность клятве, бродили по дорогам, взимая дань с крестьян и временами уподобляясь бандитам, а временами вступая с бандитами в смертельные схватки... К этому привыкли настолько, что не могли представить себе иной жизни. Обычное междумирие, ничего особенного.

Тем временем за морем дела шли своим чередом. Свирепый император Акеспий Железноногий огнём и мечом собрал множество мелких царств в единую Конкордию и теперь занят

был внедрением новой религии, адепты которой, называвшие себя склавами, что на древнем языке означало «рабы», пытались мутить воду и в Мелиоре. Но здесь их встретили неприветливо — настолько неприветливо, что даже провожать оказалось некого...

Одновременно с этим из сухой Степи стали приходить в западные пределы Конкордии племена, в тех краях невиданные. С трудом удавалось растолмачить их рассказы. Вдали, то ли на севере и западе Степи, то ли вообще за высокими Аквилонскими горами начиналось какое-то движение, отголоски которого достигали земель, населённых людьми, знающими Язык. И одновременно с распространением веры склавов по Конкордии — стало известно, что там, за Аквилоном, возникла новая империя, так и называемая: Степь. Кочевники, до этого не признававшие ни вождей, ни кесарей, ни императоров, вдруг охотно признали над собой власть Верховного Зрячего по имени Авенезер. Те, кто видел его, давали разные описания властителя, и лет ему, по самым скромным подсчётам, должно было быть в то время около ста тридцати...

Медленно, но верно напозла тень Степи на Конкордию — и вот сорок четыре года назад начались первые пограничные схватки. Может быть, останься Акепсий жив, он и сумел бы

организовать отпор — но умер Акепсий не своей смертью, а наследники его оказались слабы и нерешительны. Впрочем, Авенезер проявил известную мудрость и осмотрительность: он не стал ни разорять Конкордию, ни подводить под свою руку, ни даже облагать данью; напротив, он провозгласил самую тесную дружбу, какая только может быть между странами... И все оставшиеся годы его правления принцип этот не нарушался. Но потом началась первая замять в Степи...

Санечка слушала жадно, будто пила воду после долгого бега. Она не понимала ещё, почему ей так невыносимо важно всё это услышать — но ощущала внутри сладкую, пьянящую лёгкость и окрылённость. Так чувствуют себя, уронив вдруг с плеч привычную, не замечаемую уже ношу.

Впервые высадиться в Мелиоре конкордийцы и степняки попытались двадцать лет назад, в первые годы правления Авенезера Третьего. Полторы тысячи кораблей, несущих по полторы сотни пехотинцев или по три десятка конников, достигли берега в устье реки Вердианы и безо всякого сопротивления захватили огромный плацдарм. Но дальнейшее продвижение замедлилось: проводники и кормщики не знали мелей и течений, местных ветров и топких мест.

Объединившиеся перед лицом врага славы-отважники обоих семейств совместно с гвардией кесаря больше месяца вели партизанские действия против десанта, с великим трудом продвигавшегося в лабиринте болот и непроходимых зарослей, а тем временем хороборы строили укрепления в дефиле между рекой и отвесными Меловыми горами. И когда громоздкая семидесятитысячная (то есть уже растерявшая где-то половину состава), измотанная ежедневными мелкими схватками, дизентерией и кровососами армия вторжения выползла из болот и изготовилась к наступлению вглубь страны, она обнаружила перед собой семикратно меньшую, но абсолютно железную армию славов. И биться с нею нужно было на фронте в версту длиной, не имея возможности ни обойти, ни перегруппироваться...

Архистратиг Киндей, проявив редкую для степняка осмотрительность и смелость, дал приказ возвращаться на корабли. Отходящих отважники не били. Киндей отплыл на верную смерть. Его посадили на кол прямо на базарной площади Леопольдины, столицы Конкордии.

Стразу после победы в Мелиоре разразилась новая война, на сегодняшний день — последняя из больших. Началась она потому, что старший сын кесаря Радимира, Карион, обрученный с детских лет с Ириной Василидой, любимой племянницей

генарха Вандо Паригория, получил в схватке с конкордийцами смертельную рану стрелой в спину — и умер через четыре недели. А закончилась эта война буйным походом азаха Дедоя по землям обоих семейств, невиданными казнями и пожарами, изменами и предательствами такими, что и вспомнить грешно, — и, наконец, захватом кесаря прямо во дворце в Столии, чудесным исчезновением буквально из самых лап бандитов маленькой кесаревны Отрады — и отчаянным ночным боем крошечного отряда гвардейцев, прошедшего от стен города до дворца, взявшего дворец и уничтожившего мятежника Дедоя и всех его ближайших клеветов...

На какое-то время воцарился не то чтобы мир — но ошеломление. Всё же до сих пор на кесаря никто не покушался. Это просто не могло прийти в голову никому из владетельных славов.

Поиски маленькой кесаревны не привели ни к чему. Её не оказалось ни среди живых, ни среди многочисленных мёртвых.

Больше года чародеи и ведимы пытались отыскать хотя бы след её. Но не было девочки нигде на лице земли...

Вместе с нею пропала и ведима Еванфия Хрисогония, нянька кесаревны. В ту страшную ночь видели их уже за воротами города, бегущими куда-то. И — на этом всё.

Саня долго смотрела на листок с портретом бородатого человека. Алексей, ведя рассказ, всё время дорисовывал портрет, и теперь Саня смотрела в глаза усталого и, кажется, начавшего отчаиваться, хотя по-прежнему сурового и очень сильного человека. Глаза эти были странно знакомы...

— Алёша, — сказала она. — Но ведь этого... Просто не может быть. Этому негде быть. Негде. На Земле не осталось мест...

— Да, это так. Но, видишь ли... Того, что ты называешь Землёй, — просто не существует.

Сколько времени жил на свете великий чародей Велес, не знает никто. Срок ему не был назван, и потому прожил он ровно столько, сколько сам пожелал. А если ему нравились какие-то годы, он мог проживать их по много раз...

Чаще всего дела его были странные и непонятные простым людям. Но и полезного он сотворил немало, а главное его деяние было: кузни. Сумел Велес так заговорить белые меловые камни, что в круге, ими выложенном, переставали гореть медь, железо и другие металлы. Поначалу таких кругов было семь, и лишь один из них находился в Мелиоре, близ древнего города Нектария, но прошли годы, и каждое село могло позволить себе

иметь место, где выплавляется из руды металл и где из него, раскалённого и мягкого, ровными ударами изгоняется природное бесформие. Там он потом остывает и становится тем, к чему был предназначен: мечом слава, саблей азаха, копьём солдата, подковой коня, гвоздём и топором плотника, лемехом земледельца...

Сразу намного лучше стали жить люди и пришли просить Велеса сделать так, чтобы железо не горело не только в меловых кругах, но и по всему миру, потому что уж очень много дорогих предметов гибло в пожарах. Велес ответил им, что это непростой вопрос и следует сначала устроить такое в малом месте, а уж потом думать, переносить ли эти свойства в мир — потому что, наверное, Создатель что-то имел в виду, делая металлы горючими... И в пещерах, откуда брали люди заговоренный меловой камень, он создал подобие мира, населил его полупризрачными людьми и позволил им жить так, как они хотят. Век спустя велел он передать всем живущим, что никогда не станет переустраивать мир, ибо он и в таком виде достаточно хорош, — после чего стал готовиться к успению. Его погребли у входа в пещеры, а над гробницей другой великий чародей, Ираклемон Строитель, воздвиг белую башню, которая будто бы вытягивала из мира всеобщее зло и сбрасывала его в те подземелья... Впрочем, если судить по тому,

что делалось и делается в мире, со своей задачей башня явно не справлялась.

Именно там, под башней, в подземельях, позже наречённых молвой Велесовой кузней, в странном подобии мира, и спрятал чародей Домнин Истукарий маленькую кесаревну с её нянькой-ведимой... Ибо уже тогда понимал, что за Дедом стоит изменник и нарушитель Закона великий чародей Астерий Полибий.

— Понятно... Значит, она и есть я? Как странно...

— Не веришь?

— Не знаю. Слишком всё это... Просто. Простовато. Детские мечты. Проснуться принцессой. Смешно.

— Бывает...

Алексей встал, прошёлся по комнате. Саня так и сидела на кровати по-турецки, опершись локтями о колени и уронив голову в ладони, и следила за ним искоса, не поворачивая головы.

— Это не детские мечты, — сказал Алексей глухо, не глядя на неё. — Это война. Грязь и кровь. Очень много грязи и ещё больше крови. Почти наверняка — смерть. Возможно — мучительная смерть. Возможно — мучительная смерть в полном одиночестве... В грязной яме, в каменном мешке... И это не сказки. Всё более чем всерьёз. И тебе не

дают выбора. Вернее, не так. Ты можешь остаться здесь. Я не знаю, сколько ты проживёшь. День или два. Даже если я буду при тебе безотлучно. Понимаешь? Если мы хотим... просто выжить... нам нужно карабкаться в гору. Образно говоря. Астерий не оставит тебя в покое, пока ты жива. Потому что только ты в состоянии лишить его могущества. И для него не имеет значения, хочешь ты это делать или не хочешь. Если можешь — значит, ты должна быть уничтожена. Точка.

— А кто такой это Астерий? — спросила Саня почти равнодушно. — То есть я поняла, что это какой-то маг...

— Не маг. Маги — это жрецы огня. Чародейскими умениями они не обладают... Почти. Да, он чародей, достигший очень больших высот. За счёт смешения стилей. Обычно это невозможно, но он завладел Белым Львом... Это такой особый амулет Ираклемона Строителя. С ним, с Белым Львом, Ираклемон познакомил тебя при рождении...

— Меня?!

— Да. И именно тебя Белый Лев послушается, если дело дойдёт до... спора между тобой и Астерием.

— Вот, значит, как... А кто же ты, Алёша?

— Я есть я. Слав-отважник Алексей Пактовий. Твой троюродный брат по материнской

линии. Присягал кесарю — и служу ему. Так что про родство наше — всё чистая правда. За исключением имён. Хотя нет — моё имя при мне...

— А моё?

— Твоё имя — Отрада. Отрада Радимировна.

— Отрада... — повторила Санечка. — Как странно... А — красивое имя.

— Красивое, — согласился Алексей.

— Знаешь, — сказала она, помолчав. — Даже если ты всё придумал зачем-то... Я согласна. На всё. Ты же знаешь, что делать, куда идти...

— Вообще-то...

— Не знаешь?

— Мы не можем возвращаться по той же дороге, по которой пришли сюда. Они захватили Апостола, моего сотропника. И теперь знают, как мы шли. Поэтому нам придётся... Наобум.

— Пойдём, — улыбнулась она, — наобум. Дорога на Обум.

— Тогда нужно собираться. Сейчас очень быстро пробежим по магазинам. К сумеркам мы должны быть готовы.

— Знаешь, чем юный пионер отличается от сардельки? — спросила Саня.

— Ну...

— Сардельку нужно разогревать, а юный пионер всегда готов.

Ключи Домнина сработали и на этот раз:

Алексей понял, что смешного в этой шутке.

Вряд ли эта пара обращала на себя внимание: высокий крепкий рыжеватый мужчина лет тридцати и с ним девушка: коротко, под мальчика, стриженная, темноволосая, с коротким чуть вздёрнутым носиком и мелкими бледными веснушками по всему лицу. Одеты они были в почти одинаковые длинные коричневые куртки — он в кожаную, она в мягкую овчинную, — и чёрные джинсы; на ногах — дорогие крепкие ботинки на толстой подошве. На плечах мужчины плотно сидел огромный зелёный «абалаковский» рюкзак с притороченным сбоку длинным свёртком; девушка обошлась кожаным рюкзачком поменьше — однако тоже тугим и не слишком лёгким. Они подошли к воротам того, что называлось «автосалоном» (двор, будочка; на крыше будочки горбатый «запорожец», раскрашенный под божью коровку) и остановились в некоторой нерешительности. Из будки показался чуть перекошенный парень в жёлтом жилете на голое тело.

— Какие проблемы?

— Тачка нужна.

— Заходите, побазарим... Какая именно?

— Такая, чтобы за неделю не развалилась, а потом и выкинуть было б не жалко.

— Ха. Или хм. Не знаю. Щас совместно мозг

напряжем...

Через час Алексей и Саня выехали из «салона» на старенькой тесной «Хонде-Балладе» с не очень хорошо отрихтованным помятым левым боком.

До наступления темноты предстояло покрыть двести шестьдесят километров.

Глава шестая

Кузня

Курорт «Горькое озеро» был в своё время построен благодаря Московской Олимпиаде, хотя какое отношение он имел к тем играм народов — Бог весть. Но два ласковых Миши всё ещё смотрели с ворот друг на друга и на гостей. Последнее пятилетие бурь и пожаров не миновало стороной и эту тихую обитель, однако популярностью курорт продолжал пользоваться, особенно летом — из-за целебных купаний; зимой и в межсезонья было сравнительно малоллюдно — в рабочие дни. По выходным сюда приезжали и зимой: гулять по сосновому бору, пить минеральную воду прямо из источника и запивать её водкой. Так что на исходе воскресного дня Алексей и Саня ещё успели застать бурный разезд отдохнувших за два дня горожан...

— Подождите только, пока в комнатах приберут, — сказала девушка-администратор, выдавая ключ от «люкса» — трёхкомнатного номера с ванной. — У нас вчера и сегодня выпускники мединститута сколько-то-летие выпуска отмечали — так там у них был бар. Бутылок одних...

— Мы подождём, — согласился Алексей.

Впрочем, ждать пришлось не так долго — с полчаса. В комнатах сильно пахло освежителем, плохо перешибающим табачный отстой. Алексей открыл окно. Шторы — светло-коричневые, с зигзагами — надуло, как паруса.

— Будет ветер, — сказала Саня.

— Возможно... — Алексей всмотрелся в небо. Ещё сохранившееся накопленный за день сумеречный свет, оно было покрыто клочковатыми облаками. Облака летели быстро. — Ты права. И как бы опять не метель...

— Но здесь ведь не страшно... — спросила Саня.

— Не знаю, — сказал он. — Как твой глаз?

— Совершенно спокоен. А что? Он тоже имеет какое-то отношение?...

— Скорее всего, имеет. Это, по легенде, будто бы и есть метка Белого Льва: золотое пятнышко, позволяющее видеть... как бы правильно сказать... не то чтобы суть вещей — этого не вынесет

никто, — но приоткрывать маски. Я думаю, по этой метке он тебя и ищет.

— Лев?

— Да. Белый Лев. Всегда называй его полным именем.

— Хорошо...

— Ты устала?

— Нет. Вернее, я успела отдохнуть в машине.

— Тогда давай сделаем так: я лягу — и часа три меня не будет. Никуда не уходи — вот, сиди в комнате, чтобы я тебя чувствовал. Если что-то тебя беспокоит... Даже — мысль какая-то странная, или опять что-то в глазу возникнет — сразу меня окликай. Потом поменяемся. Эх, хоть бы сегодня ещё ночь спокойная оказалась...

— Хорошо. Я поняла.

Саня стянула с ног ботинки и забралась в кресло. Из кармана вынула уже помявшийся покетбук «Мёртвые не спят», виновато улыбнулась: схватила первый попавшийся, оказалось — такая чушь... Алексей достал Аникит из коробки, к которой тот уже, похоже, привык, — и лёг, не раздеваясь и положив на меч открытую ладонь. Тут же, будто рухнула где-то плотина, в лицо хлынула тьма.

— Алёша... Алёшенька...

Шёпот слаб, потому что заглушаем

переливчатым воем ветра. В комнате темно.

— Что?

— Свет погас... И ходит кто-то...

Слышишь?...

Алексей сел. Взмахом пальцев отбросил от лица остатки сна. Стал слушать.

Сквозь ветер донеслось тяжёлое мерное поскрипывание снаружи. Под окнами шёл кто-то медленный и двуногий весом с быка. Или потяжелее быка.

— Как глаз?

— Обыкновенно...

Алексей послушал ещё, потом очень осторожно приоткрыл дверь в коридор. Коридор тоже был тёмн. Откуда-то сверху, с лестницы, что ли, тянулась равнодушная ленивая поганая ругань.

И — полужнакомый тревожащий запах вмешался в и без того не слишком изысканный букет ароматов этого дома. Что-то из времён обучения у премудрого старца Филадельфа...

Стоп, сказал он себе. Самые неверные подсказчики памяти — запахи.

Он запер дверь на ключ и вернулся к окну. Нет, ничего нельзя было увидеть по ту сторону стёкол. И всё же он стал ждать, когда вернутся шаги. Настраиваясь при этом на внутренний слух.

Он прождал минут десять. Паутина внутреннего слуха медленно протягивалась от него,

цепляясь за спящие деревья, за корни оживающей под снегом травы, за мышей в норах...

Нет. Ничто не тревожило их покой. Ни сию минуту, ни час назад.

Но он же сам слышал шаги!..

Тихо. Тихо. Ещё тише...

Растворение в тишине. Вот сейчас...

Что-то загудело за спиной. Потом зажглась лампа.

Это было — как напильником по сорванному ногтю. Как огнем в глаза... Алексей с трудом удержался от вскрика.

И Саня, которая всё это время не дышала рядом, поняла, что испытывает сейчас Алексей.

— Прости... — зашептала она. — Прости, что я заставила... Мне, наверное, показалось...

— Всё нормально, — сказал Алексей. — Всё уже нормально. Нет, тебе не показалось. Там что-то было. Только... Не для всех. В общем, непонятно... — признался он, вдруг сконфузясь. — Который час? — спросил он и сам же поднес часы к глазам. — Господи, скоро два. Ложись немедленно и спи.

— Я вот совсем-совсем не хочу. Ни вот столечко.

— Без дискуссий. Завтра, вполне возможно, спать не придётся. И послезавтра тоже.

— Слушаюсь, мой слав. А можно — здесь? —

она показала на примятое покрывало. — Я... Не хочу туда идти... — она кивнула на тёмные внутренности люкса, которые сейчас и Алексею показались вдруг холодной каменной пещерой, населённой неизвестно кем.

— Хорошо, — кивнул он. — Только я буду, наверное, шуметь.

— Это не страшно, — засмеялась Саня. — Я могу спать хоть под камнедробилкой. Ты ещё не знаешь Птиц...

Птиц, повторил про себя Алексей. Птиц...

Не из времен старца Филадельфа был запах в коридоре. От Валюхи Сорочинской пахло так тем давним (уже позавчерашним!) субботним утром, когда Алексей зашёл за Санечкой в её обитель. Это были духи, подаренные Валюхе новым ухажёром.

Но почему при этом запахе вспомнился Филадельф?...

Завалы в памяти нужно прочищать, но делать это следует медленно и как бы исподволь, незаметно для себя. Иначе всё перемешается. Алексей знал, что теперь не остановится, пока не получит ответ — но это будет не сию минуту. Надо отвлечь себя... А кроме того, надо подготовиться к завтрашнему дню. И, может быть, к послезавтрашнему.

Санечка легла, не раздеваясь, только ослабив ремень. Тут же ровно засопела носом.

Алексей посидел ещё какое-то время, чего-то ожидая от окружающего. Потом открыл свой рюкзак и стал осторожно вынимать сегодняшние покупки: всяческая пластмассовая и железная мелочь, мешочки с аммиачной селитрой, металлические банки с краской-серебрянкой, завёрнутые по десяткам в синюю бумагу коробки спичек, пластиковые бутылки с кислотой, бензином, нашатырным спиртом, антифризом, аптечные пузырьки с глицерином и йодом, таблетки перекиси... Пиво в банках, желатин в коробочках, тюбики клея, гидравлические, в солидоле и тонкой бумаге, цилиндры для домкратов, паяльник, тисочки, маленькая ручная дрель... Первым делом он вспорол мешочки с селитрой и разложил их по горячим батареям — сушиться, — а пока занялся изготовлением взрывателей. Это была тупая кропотливая работа.

Ещё дважды кто-то несуществующий тяжело топал и пыхтел под окнами. Алексей даже не вставал: мало ли что можно увидеть в такую ночь.

Главное, это не враг. Враг не мог подкрасться так, чтобы золотое пятнышко не заметило его и не подняло тревоги. Это просто сама Велесова кузня так реагирует на чужого. Теперь уже — чужих. Двоих.

Отторгает, изгоняет...

И ещё он подумал, что после гибели Еванфии

и Санечка не сумела бы здесь выжить. Рано или поздно все, кто пытался поселиться в Кузне (вынужденно, или из любопытства, или по каким другим соображениям) без чародейских сетей, накинутых на разум, начинали сражаться с чудовищами.

Один был исход у этих сражений...

Саня вдруг села. На лице её, проснувшегося или нет, читалось полнейшее ошеломление.

— Я дура... Я же не поняла сразу!

— Что?

— Мои родители... У меня есть родители.

Они ведь живы!

— Живы, — засмеялся Алексей. — Но об этом поговорим утром, утром. Спи, пока дают.

— Какой теперь сон... — Санечка легла и закрыла глаза. Мгновенно лицо её обмякло, губы приоткрылись. Она опять спала — и улыбалась во сне.

Ну и нервы у девушки, подумал Алексей. Мне бы такие...

Утром Санечке показалось, что золотое пятнышко встревожилось — но, наверное, только показалось. Минута напряжения, и вновь всё спокойно. Она как раз чистила зубы перед зеркалом. Взглянула на зазеркальное лицо. Как часто бывало и раньше — с лёгким ощущением

неловкости. Словно сама себя поймала на мелкой бессмысленной лжи.

Вытирая лицо, она вышла из ванной. Алексей заканчивал укладывать вещи. Он так мало спал — и всё равно выглядел свежим.

— Вот, — подал он ей две пивные баночки. — Сунь в карманы на всякий случай. Когда поймёшь, что надо — поджигай фитиль и бросай.

— Куда мы теперь? — безмятежно спросила Санечка, откинувшись на спинку. — Обратно?

— В какой-то мере, — кивнул Алексей. — «Обратно» в полном смысле слова мы больше не попадём.

— Мы уже... Где-то там?

— Пока мы где-то здесь. А когда приедём, будем где-то там. Понимаешь?

— Не-а. Да и какая разница: понимаю, нет...

— Маленькая, но есть. Если со мной что-то случится и тебе придётся выбираться самостоятельно...

— Это нереально. Я даже представить...

— Только кажется, что сложно. Вот, смотри, — он вынул из внутреннего кармана большой бумажник с картами и ключами Домнина. — Заберёшь это у меня. Откроешь. И сразу все поймешь.

— Волшебство?

— Чародейство. Потом расскажу, в чём между

ними разница...

— А сейчас нельзя?

— Лучше не надо. Всё равно что в темноте спичку зажечь. Будем прятаться, пока это у нас ещё получается...

Он вывел машину со стоянки, выехал из ворот и медленно поехал по узкой извилистой дороге, бережно проложенной между гигантскими столетними, в два обхвата чёрного ствола, соснами.

— Для засады лучшего места нет, — сказала Саня.

— Это уж точно...

Но засада их не ждала. Они спокойно вырулили на шоссе и направились туда, откуда вчера приехали.

— Мне сон снился, — сказала Саня. — Про этого самого Белого Льва. Очень... неприятно.

— Да? — отозвался Алексей, глядя поверх руля. Навстречу пролетали тяжёлые «КАМАЗы» под яркими тентами. Достаточно кому-то из встречных чуть повернуть руль... — Я не знаю всех подробностей. Я вообще плохо знаю амулеты. Меня учили другому.

— Наверное, я неправильно сказала. Просто не могу подобрать слово. Будто...

Она замолчала и стала вспоминать ощущения сна, и вскоре поняла, что слова не подберёт. Трудно описать состояние неполноты, разделённости...

Тоски? Да, пожалуй, и тоски — но такой тоски, которую не ощущаешь, потому что родилась с нею. И долго не подозреваешь даже, что она медленно выжигает тебя изнутри...

Но она ли тосковала по Белому Льву, он ли по ней — осталось во сне неясным.

— Будто меня пообещали кому-то, не спросив согласия...

— Так оно, в общем-то, и есть, — неохотно сказал Алексей. — Замуж тебе придётся идти за кого-то из Паригориев.

— Замуж? — изумилась она. — Господи, ещё и замуж...

Он считал километры по спидометру, стараясь не пропустить поворот, и всё же пропустил, проскочил мимо; надо было теперь разворачиваться и возвращаться. Это была не дорога даже, а просто укатанная лесная колея. Алексей аккуратно перевалил через заметённый снегом кювет, поставил колеса в колею и покатил вперёд. Сначала дорога вела ровно, потом полого пошла вниз. Не останавливая машины, Алексей сунул руку в карман, вынул из бумажника ключи, плотно зажал их в кулаке. Бог знает, как они действовали — но пейзаж начал медленно, неуловимо изменяться. Он изменялся там, куда в этот миг не смотришь. Машину уже несло, как сани. Стало дурно —

словно укачало. Саня стонала сквозь зубы, потом вскрикнула. Машину тряхнуло. Алексей заглушил двигатель, не выжимая сцепления, начал плавно давить тормоз. Под колесами заколотились камни, застучали по днищу. Потом под днищем громко хлопнуло, и после этого затрясло по-настоящему, повело и бросило направо — Алексей с большим трудом не дал машине опрокинуться. Наконец всё остановилось. Саня держалась за глаз и прискуливала почти по-щенячьи. Она почти ничего не видела за золотым пламенем, бушевавшим будто бы вокруг.

И так будет при каждом повороте, подумал Алексей. Эх... Чародеи...

Вперёд и вниз уходил покрытый высокой сухой травой пологий спуск. Свежая трава только-только пробивалась из-под камней. Высокие длинноногие птицы, похожие на аистов, ходили по этой траве, не обращая внимания на пришельцев. Там, где кончался спуск, начинался нежно-зелёный лес. В лесу заметна была просека — справа налево. За просекой лес обрывался в голубую дымку, и дальше ничего не было видно. И только слева в этой дымке угадывались какие-то углы и плоскости...

— Вот мы куда-то и попали, — сказал Алексей напряжённо.

Он специально выбрал то направление, о

котором ничего не знал. И сейчас испытывал некоторые сомнения — не ошибся ли в выборе? Посмотрел на аистов и решил было, что нет, не ошибся.

Но потом увидел, как одна из птиц с усилием отняла от земли, подбросила и поглотила широко распахнувшимся клювом будто бы чёрную лягушку. Только это была не лягушка...

Он оглянулся — не видит ли Саня. Но Саня ещё не оправилась от той невыносимой вспышки, ударившей её сразу по всем органам чувств.

Алексей приоткрыл окно. Пахло талым снегом, мокрой землёй, новой травой... Сладкий запах смерти мог и померещиться.

— Подожди в машине, — сказал он и вышел. Выкарабкался. Салон «Хонды» был, мягко говоря, тесноват.

Под ногами хлюпало. Дёрн, покрывавший камни склона, пропитался водой, как губка. Между травинками просовывались короткие стебли и начинающие раскрываться бутоны незнакомых розовых с белыми прожилками цветов.

Где-то неподалёку лежал труп. Похоже, не один.

Две тёмные длиннокрылые птицы ходили кругами на большой высоте.

Он оглянулся. За то время, пока он на неё не смотрел, машина изменилась. Если напрячь память,

то можно вспомнить, как она выглядела раньше. Но это праздное любопытство...

Праздного любопытства Алексей не одобрял.

Но из него же, из праздного — осмотрел себя.

Мельком.

Охотничий костюм, очень новый, ясно, что не использовавшийся никогда по прямому назначению. Была здесь такая столичная мода...

Он поймал себя на словечке «была». Странно.

Карты, как правило, не лгут.

Трупы, которые подарены птицам...

Он огляделся. Не менее сотни птиц, стараясь ненароком не выдать свою радость, замедленно бродили по обширному склону.

Да, ребята, подумал Алексей. Мы, кажется, попали в самое яблочко...

Покрышку разнесло в клочья, спицы повывлетели, и даже обод колеса помялся. Хорошо, что при покупке машины Алексей, подчиняясь своему натренированному чутью, докупил ещё одну запаску. Не выпуская Саню из салона, он приподнял кузов домкратом и заменил разбитое колесо новым. Руки знали последовательность операций...

Ему подумалось вдруг, что в обладании картами и ключами есть не только своя прелесть, но и нечто нечестное по отношению к обитателям

Кузни. Ведь вздумай он поселиться здесь — ему не будет конкурентов ни в одном роде деятельности. Разве что в художествах... Ибо Алексей отнюдь не обольщался своими способностями и прекрасно понимал, что умение точно передать то, что видят (или видели когда-то) глаза, ещё не есть творчество, а всего лишь род ремесла. Создание копий.

Санечка, обретя наконец вновь способность видеть, изумлённо осматривалась.

— Весна... — прошептала она. — Господи, я думала, эта зима никогда не кончится!..

— Что-то вроде весны, — согласился Алексей, отпуская тормоз. Машина медленно покатила вниз. Он включил первую передачу на холодный двигатель. И всё равно к тому моменту, когда надвинулся лес, скорость была чересчур высока. Вдавливая тормоз до самого пола и со страшной скоростью выкручивая руль, он сумел всё же избежать столкновения с деревьями и даже найти что-то вроде утоптанной тропы...

В лесу большими серыми шапками всё ещё лежал местами снег. Под колесами хлюпало.

Когда заработал мотор, хлюпанья не стало слышно.

Дорога, ведущая сквозь лес, была мощёна серо-зелёными не слишком ровными тёсаными каменными плитами. В широких промежутках

между плитами росла трава — свежая между пучками сухой. Видно было, что здесь давно никто не ездил.

Саня держала в руках ключи и карты, вручённые ей Алексеем. Несколько раз она судорожно вздохнула. Алексей знал, что ей сейчас очень нелегко, но через это когда-то всё равно следовало пройти.

Он ехал медленно, вглядываясь вперёд и в стороны, в промежутки между деревьями. Деревья были вроде как самые обычные, но притом и незнакомые: с ровной и гладкой, как сероватая бумага, корой. Листья ещё не проклюнулись, но на верхних ветвях в изобилии висели серёжки, издали похожие на шишечки хмеля. Буквально на каждом дереве мостилась «ведьмина метла», были такие, на которых этих растительных паразитов насчитывалось штук шесть-восемь.

На полянках, прободая траву, тянулись вверх высокие, выше колена, срамного вида грибы.

— Алёша, — позвала Саня. — Смотри-ка — там...

По лесу вдаль шёл человек — в ту же сторону, что они ехали. Его плохо было видно из-за стволов, сероватая одежда сливалась с их сероватым фоном, и всё же удалось рассмотреть сгорбленный силуэт и тёмный мешок за плечами.

Несколько секунд Алексей колебался. Сам не

зная почему. Потом, сбросив скорость, но не останавливаясь совсем, нажал грушу клаксона. Труба запела: «Моя любовь, прекрасная, как утренний сон...» Человек мгновенно повернулся и пошёл к дороге.

Когда он приблизился, стало ясно, что он ещё не стар, но уже сед и согбен.

— Добрые господа направляются в Лиль? — спросил он дребезжащим голосом.

— Садитесь, почтенный, — откликнулась Саня. — Сзади вещи — подвиньте их.

— Сейчас редко кто решается подбирать бедных путников, — сказал бедный путник, робко сдвигая саквояж Алексея и занимая ровно четверть узкого, как скамеечка, заднего сиденья; голос его был ненормально ровный, невыразительный, вялый и серый, как его же одежда. — Боятся блох. Но на мне блох нет. Я травник. Мое имя Авда. Меня многие знают. Я практикую чёрную колючку.

— То-то я слышу, чем-то знакомым пахнет, — сказал Алексей, трогаясь. — Но от неё же... — он помахал рукой у виска.

— Да, если её курить или жевать, — сказал Авда всё тем же серым голосом. — Я же делаю из неё мазь для тела и присыпку для белья. Блохи никогда не кусают того, кто использует эту мазь.

— По-моему, нам нужна такая мазь, — сказала Саня и посмотрела на Алексея.

— Нужна, — согласился Алексей. — Всегда ненавидел блох, а теперь в особенности.

— Вы очень обяжете меня, добрые господа, если в благодарность за оказанную мне услугу примете от меня баночку этой прекрасной ароматной мази и баночку присыпки... Позвольте полюбопытствовать, откуда вы едете? Если я не ошибаюсь, по этой дороге позади нас давно никто не живёт.

— Там дом, который мы хотим когда-нибудь восстановить, — сказал Алексей. — Не навсегда же вот это... Такое, — он обвёл рукой вокруг себя.

Авда медленно покачал головой.

— Я тоже когда-то так думал. Но, боюсь, наши надежды не всегда совпадают с божественными планами.

Алексей покосился на него. Машина въехала колесом в рытвину и подпрыгнула.

— Скажите, добрые господа, — продолжал Авда, видимо, соскучившийся по собеседникам за время блужданий по лесам, — судя по этим упакованным вещам в экипаже, вы ещё нигде не остановились? Или, может быть, вы не собираетесь останавливаться?

— У нас не было определённых намерений, — сказал Алексей.

— Почему я спрашиваю? Завтра утром отправляется охраняемый конвой на юг. Вы же

знаете, разбойники доброго Грамена собирают деньги на выкуп своего атамана...

— Да, я слышал, — сказал Алексей неохотно. — Но, моё мнение, мужики с граблями и грабители — это отнюдь не одно и то же. Хотя сами они разницы могут и не замечать.

Авда тоненько засмеялся.

— Вы знаете толк в шутке, добрый господин! И всё же скажу так: эти мужики с граблями, когда бросаются толпой — весьма опасны. Кроме того, они просто не верят, что найдётся кто-то, готовый убить их всего-навсего за несколько монет, которые они хотят у него изъять.

— Значит, речь идёт лишь о нескольких монетах... Зачем же тогда вооружённый конвой?

— Так распорядился бургомистр. Во всём должен быть порядок.

— Ясно. Ладно, добрый Авда, мы подумаем — и, может быть, подождём до завтра. Скажи, пожалуйста, у кого можно будет купить газолин?

— У аптекаря, разумеется. Это прямо на площади, только к аптекарю нужно будет заехать во двор.

— Понятно. А если мы захотим переночевать, то есть ли что-то, кроме того грустного постоянного двора?

— О, да. Постоялый двор действительно грустный. Лучше всего остановиться было бы в

трактире славного Акакия. Это почти там же, где аптекарь, по переулочку от площади направо. У него, конечно, шумно, тесновато, пахнет кухней — но зато... только поймите меня правильно... никогда ничего не случается.

— Никогда ничего... — повторил Алексей раздумчиво. — Это хорошо. Это нам подойдёт, сестрёнка...

Лес гладких светло-серых деревьев (название им было «папирозы», поскольку кору их действительно использовали когда-то вместо бумаги; Алексей то ли ненароком вытащил полужнакомое имя из какой-то сверхглубокой и не вполне своей памяти — внушённой, может быть, всеми этими местными условиями, — то ли придумал сам, и теперь так оно и будет здесь называться; впрочем, разницы между тем и другим он не видел; Велесова кузня...) закончился и перешёл в густой низкорослый сосняк, и тут же показались окраинные строения бывшего города Лиль: каменная караульная будка и красный шлагбаум...

Саня с трудом сдвинула окошко со своей стороны: обильная пыль набилась в пазы, по которым стекло скользило. На заставе сказали: бояться в городе нечего... Она и так ничего не боялась.

Она чувствовала, что в ней сейчас — как, впрочем, и всегда — существовало несколько Сань, но если прежде они пребывали в состоянии смешанном, коктейльном, — то теперь, как никогда, расслоились. Хорошенькая разумная девочка в белых носочках и с бантиком тихо плакала; отважный чумазый сорванец, способный пойти ночью на кладбище или перебраться в загон к совхозному быку, ликовал, вздымая к небу исцарапанный кулачок; скептического сложения леди продолжала время от времени щипать себя за мочку уха, уверенная, что рано или поздно проснётся в родном постылом общежитии; романтическая барышня тихо млела, приоткрыв ротик и ничего не замечая вокруг... Все они как-то умещались на одном маленьком сиденье, обитом синим потёртым плюшем. И рядом с ними сидела сама Саня, наблюдая за ними с отстранённым и несколько высокомерным интересом — как рано повзрослевшая девушка наблюдает за вознёй малышни... Она же, эта Саня, успевала следить за тем, что проплывало за окошком, и отмечать в памяти какие-то интересные моменты: скажем, что дома, разъеденные в своё время зеленогнойкой, побелёны плохо: то ли не хватило извести, то ли уж очень боялись люди... И что прошлогоднюю вепру, которой заросли брошенные дома и переулки, никто не выжигал и не опрыскивал купоросным

маслом, а значит, в городе должны водиться огнёвки, и хорошо, что ещё не сезон их лёта. Скептическая леди, сидя рядом, громко удивлялась, откуда Сане всё это известно, но Саня даже не смотрела в её сторону — какой же душой нужно быть, чтобы не понимать самоочевидных вещей...

Жилой квартал выглядел разве что немного почище нежилых, да дома были выбелены как следует. Саню всегда удивляло, что люди в таких вот крошечных, оторванных от остального мира городках находят себе занятия: ведь здесь не сельская колония, не мануфактурный очаг и не большой торговый перекрёсток. Однако люди в городке как-то жили и явно не собирались уходить в другие, лучшие, места.

Правда, выглядели они неважно, но как раз это было очень понятно...

Площадь была маленькой, тесной, с многочисленными страховидными и какими-то кривыми будочками, разбросанными в беспорядке, и грубо сколоченными лесами у фасадов домов; мостки лесов соединялись между собой, и площадь можно было обойти по периметру, не спускаясь на землю. Висели огромные аляповатые вывески: «Аптека», «Братья и Сёстры», «Гробы и Цветы», «Черничный Пирог», «Порох», «Бургомистр и Шерифф», «Чистая Вода»...

— Вон там и живёт аптекарь, но сейчас он

скорее всего обедает, — добрый Авда, от которого пахло травами, подался вперёд. — Откроет в три. А здесь вам направо... Вон в тот переулочок.

Алексей свернул, куда показала узкая рука с пальцами, навсегда испачканными травяным соком.

Высокое чёрное крыльцо со столбами, украшенными грубой глубокой резьбой, выходило едва ли не на середину переулочка. Мальчик в красной рубашке стоял у столба. Увидев машину, он бросился открывать ворота. Скрежет петель был слышен даже сквозь звук мотора.

Во дворе, прикованный цепью к столбу, уже стоял экипаж — выдавший вида «Парс» с огромным полотняным тентом.

— Прошу вас, добрые господа... — Авда быстро и ловко развязал свой мешок, вынул тёмную склянку и пакетик из плотной серой бумаги — той самой, из коры папирос. — Обязательно применяйте это, особенно если решите почему-либо задержаться здесь.

— Спасибо, добрый Авда, — коротко поклонился Алексей. — Но я не думаю, что мы задержимся.

— Когда человек предполагает, боги смеются, — заметил Авда, вежливо кланяясь в ответ. — Я живу над аптекарем, на чердаке. Может быть, вы захотите меня увидеть...

И он ушёл быстрым — шелестящим,

почему-то подумала Саня, глядя ему вслед с неясной лёгкой оторопью, — шагом, свернул в тень и пропал. Алексей гремел привязной цепью, пеня мальчишке за ржу и грязь замка, а Саня всё никак не могла разобраться в своих чувствах. Проснулась ещё одна особа, самая неприятная. Огляделась и сказала: всё ясно. Ты, наконец, сошла с ума. У тебя ведь уже было так, ты же помнишь?

Саня помнила. Да, так уже было. Ну... почти так.

...Она как раз заканчивала седьмой класс, когда в школе в Салтыковке случился пожар. Его быстро потушили, но какое-то время занятия там проводить было нельзя. Тогда младшие классы распустили на каникулы, а седьмой и восьмой стали возить на машине в приисковый посёлок, расположенный километрах в шести. То есть шесть было напрямик, а по дороге — все пятнадцать. И всегда живший в ней чертобесик как-то заставил её поспорить с одноклассником Петькой по прозвищу Таракан, что она на велосипеде доедет быстрее, чем они на машине.

Пари было на поцелуй.

С места тронулись одновременно. Машина запылила по грейдеру, а Саня свернула на тропу и мимо кладбища понеслась вдоль ручья по дороге, ведущей на поля. От неё будет поворот в лес, крутой подъём на гребень водораздела — придётся

тащить велик на руках, иначе не подняться, — но дальше лесная тропа пойдёт только под уклон, и за просекой ЛЭП прииск будет уже виден. Она ни разу не ездила по этой дороге, но ходила много раз...

Видимо, она ошиблась поворотом. Или случилось что-то ещё.

Подъем оказался не так крут, как представлялось. Конечно, на велосипеде не въехать, но вести его за руль можно легко и быстро, почти бегом. И Саня выбежала на гребень...

Лес оборвался. Перед нею расстился луг, сплошь заросший бледно-жёлтыми цветами, похожими на лесные лилии, но покрупнее и не по два-три цветка на стебле, а по десятку — как колокольчики... Небо, только что чистое, оказалось затянуто плотной дымкой. Сильный запах мёда наполнял воздух. Потом прорезались звуки: низкое гудение, как возле ульев. Цветки начали шевелиться, из них выползали большие, гораздо больше шмелей, серые пчёлы — и замирали, будто бы прислушиваясь...

Это было настолько ошеломляюще, что время остановилось.

Потом всё взорвалось в стремительном множественном движении. Пчёлы будто выстрелили самими собою — с такой скоростью и яростью они накинулись на велосипед. Саня вскрикнула и выпустила его из рук, и он, даже не

успев упасть, превратился в серый шевелящийся ком. А Саню схватили сзади поперёк туловища, оторвали от земли и куда-то понесли, потащили — со страшной скоростью, над землёю, цепляясь ею за какие-то кусты и ветви. Оборвался ремень старой почтальонской сумки, с которой Саня ходила в школу, терпя насмешки глупых: сумка была из настоящей кожи. И вот впервые за шестьдесят лет беспорочной службы в ней что-то не выдержало... И почему-то именно это вдруг заставило Саню громко орать, брыкаться и бить по чему попало руками и ногами.

Наконец, безумный бег прекратился. Её грубо поставили, почти бросили...

В гневе она обернулась — и подавилась криком.

То, что тащило её, не было человеком.

Огромное существо, покрытое густой красноватой шерстью, стояло на ногах и имело руки — правда, очень большие и чёрные. Но голова его...

Это отпечталось в памяти навсегда.

Увенчанная рогами, она была покороче бычьей. Прилегающие к черепу уши были почти как у человека, и в мочках болтались огромные и очень сложные серьги. Узкий лоб был изборождён глубокими морщинами. Поражали глаза: миндалевидные, огромные, с чистым голубоватым

белком и светлой серо-зелёной радужкой. Но из пасти торчали, не уместаясь, огромные желтоватые клыки...

Существо приложило руку к груди и пророкотало:

— Диветхоох...

Саня не закричала. Она всхлипнула только и стала оседать на землю.

Последним, лишённым эмоций, бесстрастным взглядом они видела существо, чуть наклонившееся вперёд, за ним — колонну из тёмного камня, стену, увитую плющом, провал двери, окаймлённый резной аркой...

Она пришла в себя от холода. Журчал ручей. Она приподнялась. Болела спина, болело плечо. Кофта и платье были истерзаны и больше ни на что не годились. Зато рядом лежала её сумка. Ремень просто перетёрся о пряжку.

История наделала много шума. То есть не сама история, конечно, а то, как её истолковали. Из Озёрска приехали милиционеры и солдаты, взяли прочёсом лес. Санечку отвезли в районную больницу, обследовали — в том числе и психиатры. Но она и им — по какому-то внутреннему наущению — рассказывала не всё и не так, как было на самом деле, а: ехала, вдруг стало черно в глазах, всякие картинки замелькали... — ну, и так далее. Во всё это легко было поверить.

А что велосипеда и следов не нашли — так что ж, бывает, на то и воры...

Петьку же пришлось целовать, ибо спор есть спор. Это оказалось не так и противно, как можно было подумать поначалу.

Разместились в приятной чистой комнатке с двумя кроватями и медным умывальником в углу. В наклонном потолке светилось окно с синеватым стеклом и частой медной же решёткой переплёта. Льняные простыни на кроватях были чистые, хотя и застиранные до полной прозрачности. Алексей жестом попросил её не двигаться, а сам стал прислушиваться. Лицо у него при этом всегда становилось восковым, страшным, глаза — неподвижными, мёртвыми. Вряд ли он знал...

Саня старалась не дышать.

— Ф-фф... — кровь вернулась к щекам Алексея, он поморгал, передёрнул плечами. — Ух, сестрёнка, и жуткое же местечко... Кто-то грызёт стены, да ещё как грызёт! Даже не знаю... думал и правда: переночевать и двинуть с конвоем, а теперь — рвать когти даже без обеда. Хотя... да. Нужен же ещё и газолин. Так что пообедать придётся всё равно.

Саня чувствовала, что этот городок начинает всасывать их в себя. Пока ещё нежно, лёгким дуновением...

Глава седьмая

Кузня

Обед с терпким терновым вином был превосходен, а вот визит к аптекарю оставил тягостное ощущение. На обратном пути к трактиру Алексей покаялся, что ослабил бдительность и не прослушал дом аптекаря перед тем, как войти. Саня поняла, почему: площадь постепенно заполнялась людьми, стало шумно, и Алексею пришлось бы пережить настоящие страдания, решился он на такой шаг. Но вот теперь приходилось гадать: то ли аптекарь всегда такой квёлый — то ли в доме кто-то скрывается, а он боится ненароком выдать его. То ли, наконец, это у них самих от долгого пути обострилась подозрительность...

Был аптекарь толст, потен и неопрятен. Покупателей он встретил за короткой стойкой, частично разгораживающей небольшую комнатку на две неравные части: поменьше — для покупателей (троим уже было бы тесно), побольше — для него самого и для белых шкафов, затянутых вместо стекла промасленной бумагой. Запах в аптеке стоял странный, совсем не аптечный, но определить его ни Алексей, ни Саня не смогли.

Несомненно присутствовали в этом букете то ли ароматы нефти, то ли ароматы гнили. Будто крыса утонула в солярке...

Газолин он был готов продать, не слишком дёшево, но приемлемо. Два бидона. Чуть позже мальчик доставит их на постоянный двор. Что? В трактир Акакия? Хорошо, пусть будет трактир (короткий подозрительный взгляд)... Но заплатить лучше сейчас, непосредственно ему... шестнадцать грошей за фунт, сто десять фунтов... как мальчик понесёт? Он повезёт на тележке. До постоянного двора... Ах да, в трактир. Итого двенадцать марок двадцать два гроша и мальчику сорок грошей... нет, давайте мне, так лучше, иначе он их тут же проиграет в пристенок...

Алексей долго расплачивался, озирался по сторонам, рассматривая чучела летучей мыши, совы и громадной жабы, стоящие на узкой полке под самым потолком и уже почерневшие от копоти, приценивался к собачьей желчи, не купил — дорого... Аптекарь потел от тщательно скрываемого напряжения.

— Может быть, у него понос? — предположила Саня, когда они вышли наконец из аптеки. На площади уже кто-то собирался жарить мясо, вздувая для этого скверный каменный уголь, но даже и с такой добавкой воздух казался восхитительно свежим. — И он просто не мог

дождаться...

— У аптекаря? — усомнился Алексей.

— Кто бреет брадобрёя? — Саня сделала движение рукой, будто вынимала из воздуха невидимое яблоко. — Впрочем, я не настаиваю... — шагнула чуть в сторону и сделала стремительное па неизвестного ей самой танца.

Она чувствовала себя удивительно. Будто полная сил, но одревеневшая от долгого вынужденного лежания... нет — вырвавшаяся из засады... нет — бабочка, разорвавшая кокон...

В ней раскручивалась тугая пружина, и теперь нужно было только следить, чтобы пружина эта, не дай Бог, не сорвалась.

И в то же время где-то в подвалах души бился и просился наружу чёрный страх. Она знала, что он там.

За время их беседы с аптекарем площадь наполнилась людьми. Лавочники открывали свои лавочки, на простых столах расставляли вино и закуски. Кто-то торговал просто с табурета. Саня уже выяснила из разговора с аптекарем (он этого не говорил, но вовсе не обязательно произносить слова, чтобы тебя поняли), что живёт в городе семьсот одиннадцать человек, мужчин вдвое больше, чем женщин, детей мало, потому что многие рождаются мёртвыми или умирают в первые часы и дни. Есть люди по-настоящему

богатые, почти как в прежние времена — это те, кто владеет делянами чистой земли; там они выращивают скот и кукурузу. Остальные, в сущности, работают на них и для них...

Она заставила себя перестать думать об этом — хотя, наверное, перестать думать было просто невозможно, и приходилось мириться с неизбежностью. Мир вокруг был видимостью, мгновенно застывающим миражом, и каждую новую деталь могли добавить лишь настоящие люди — в данном случае она и Алексей. Усложнять же этот кусочек Кузни не следовало, потому что искать выход в сложном мире, для которого не составлено карт, трудно... иногда — невозможно. Многие заплатились за безрассудство...

Но уж слишком щекотали ноздри запахи простых лакомств, лезла в уши варварская музыка механического пианино, подпрыгивали, зазывая покупателей, мальчишки в шутовских трёхрогих колпаках с бубенчиками... Ничего нельзя было сделать — разве что умереть. Мир строил себя сам и сам вытягивал ассоциации из почти безвольного, незащитного подсознания — пока ещё медленно, но уже не слишком интересуясь мнением тех, кто бросил первый кристаллик в насыщенный рассол.

Алексей это тоже знал и понимал. Наверняка лучше, чем она, которая ещё не вполне умела пользоваться тем, что знала, что все годы

изгнания... эмиграции, бегства?... хранилось в её памяти, как в секретном фонде библиотеки. И теперь Алексей шёл сквозь веселую толпу, глядя поверх голов, непринуждённо покачивая лёгким длинным свертком и стараясь ничего вокруг не замечать... Впрочем, может быть, он просто размышлял или прислушивался.

Они совершили медленный, без малого часовой круг по площади и почти вернулись к тому месту, откуда начинали.

Воздух вдруг дрогнул и потёк. Все стали смотреть вверх. Саня тоже посмотрела вверх. Привычная уже дымка темнела на глазах, из-за островерхих крыш с оплавленными флюгерами веером тянулись чёрные крючковатые щупальца... Торговцы на площади хватали свой товар и исчезали. Скорее, скорее, бросил им кто-то, пробегая мимо. Многие люди спускались, вежливо толпясь, по каменной лестнице, ведущей в погребок под той странной вывеской «Братья и Сестры». Над дверью висел синий фонарь и медная пивная кружка.

Саня с Алексеем спустились последними. Маленький пузатый человечек, глянув на них свирепо, задвинул маслянистый засов. И буквально через несколько секунд по ту сторону двери раздался множественный шорох (ведро сухого гороха кто-то высыпал на железную крышу...), и

дверь загудела от удара...

Начинался неожиданный и неурочный Бал Демонов. Никто живой, из мяса и костей, не мог уцелеть снаружи. Только те, о ком не говорят вслух. По крайней мере, так гласила молва.

Но здесь, по эту сторону железного засова, живым бояться было нечего.

Погребок имел форму кириллической буквы «П»: у перекладки, за чёрной от времени и пролитого пива стойкой, неторопливо, но очень быстро распоряжался громадного размера старик с густыми снежно-белыми волосами, собранными на затылке в пучок, и густой короткой бородой; посетители хватали бокалы или кружки и уходили направо или налево, в длинные полутёмные коридоры. Впрочем, кое-кто оставался и у стойки, лишь сдвигаясь в стороны.

— Два зимних мне и портер для дамы, — сказал Алексей, когда подошла его очередь. — И соленых орешков.

— Орешков как таковых или одноименных сухарей? — неожиданно глубоким, поставленным голосом осведомился старик за стойкой. — Причём я бы порекомендовал сухари.

— Готов прислушаться, — улыбнулся Алексей.

— Вы первый день у нас?

— Да. И, не в обиду — последний. По

крайней мере, в этом году.

— Это вы хотите купить дом покойного Малыша Маниона?

— Возможно. Я не знаю, кто был его прежним хозяином. Продаёт банк...

— Ну, естественно. В свое время они взяли за долги половину округа. Да куда — больше половины. Людям оставалось разве что рыть норы... Наверное, Бог услышал чью-то молитву, но в суть дела вникать не стал, а так — помавал шуйцею... — он изобразил этот жест, сопроводив его великолепным выражением полнейшего равнодушия на лице. — И пролился говённый дождь.

— Вы актёр? — с интёресом спросила Саня.

— Я прозываюсь виночерпием в этом старом вонючем погребе, хотя разливаю преимущественно пиво. Но да — прежде я выступал и на иных сценах, поболее этой. «Не постигай излучин бытия, не поступайся разумом и делом...» — пропел он негромко, но голос вернулся, отраженный стенами. — Лучший баритон Хаосской Оперы...

— Простите, — сказала Саня.

— Не за что, барышня, — опустил он голову. — Вот ваш портер. И орешки.

— Часто у вас... такое? — Алексей ткнул большим пальцем вверх.

— Год на год не приходится. Бывает, что и

часто. Простите...

Он принял откуда-то сбоку пустую кружку, поставил её под кран. Тёмное пиво наполняло стеклянную посудину, выталкивая вверх поршень пены.

— Отойдём, — сказал Алексей. — Не будем мешать человеку.

— Вы не мешаете, — сказал виночерпий.

Они все-таки отошли к длинному деревянному столу, за которым полагалось стоять.

— Мы застреваем, — сказала Саня.

Алексей молча кивнул.

На чёрной столешнице кто-то недавно вырезал: «Самовыродок». И знак Луны.

— Веселимся вечерней душой, лишь надеясь на позднюю завязь через пламя свечи посмотреть — и умолкнуть в испуге тотчас... — он произнес это тихо и почти без выражения, но Саня почувствовала, как на спине шевельнулась несуществующая шерсть. Она вспомнила эти стихи, хотя никогда, разумеется, не читала и не слышала их. Они были отсюда, из этого уголка Кузни...

— Мы застреваем, Алеша, — повторила она.

— Как твой глаз?

Она уже давно не вспоминала о нем... Посмотрела на потолок. Пятнышко лежало тихо. И даже невидимая линза, заставлявшая предметы становиться более подробными, съезжилась и почти

исчезла.

— Будто и не было ничего.

Он подумал.

— Плохо. Неужели он уже уверен, что с нами покончено? Или его просто отвлекло что-то? Эх...

Знать бы, закончила про себя Саня. Увы, не дано. Участь человека: добывая хлеб свой в поте лица своего, судьбу свою творить в неведении.

— Разрешите быть вашим соседом? — сказал кто-то сзади.

Саня оглянулась: средних лет мужчина, похожий на барсучка. Но на блузе его, сшитой неумелым портным, были погоны с тремя белыми жестяными звездочками, а на груди — литой круглый значок с гордым профилем. Шерифф...

— Я шерифф Гермар, — продолжал он, — и имя мое переводится как «славное копьё». Правда, в этом что-то есть?

— О, да, — с придыханием сказала Санечка.

— Приветствую вас в нашем городе. Вы покупаете тот дом?

— Нет, — сказал Алексей.

— Не понравился, — произнес шерифф медленно, как бы для пробы разбивая слово на слоги: получится или нет?... — И это вызывает понимание у меня и у бургомистра. Но вот что странно, право: известный нам Грамен, по всем признакам, находится в тюрьме, а кто-то тем

временем грабит ссудную кассу в Панае, и очевидцы в один голос говорят, что это был сам Грамен с одной из своих поклонниц. Нонсенс, скажете вы — и будете правы. И да, конечно, вы никак не похожи на доброго Грамена — на полголовы выше, свои волосы, не парик... Или парик?

— Свои, — сказал Алексей, глядя на шериффа с любопытством.

— Я не сомневался нисколько... Но! Вы же понимаете прекрасно, что в любом деле неизбежно возникают всяческие «но», потому что в противном случае дел не было бы вообще. Так о чём я? Да. Кузен моей бабушки, Филоктимон, что означает не что иное, как «любящий богатство», говаривал, бывало: самое несправедливое в наказаниях — это то, что они бесплатны. Я достаточно ясно выражаю свою мысль?

— Я понял только, что мы имеем какое-то отношение то ли к налету на ссудную кассу, то ли к этому разбойнику, как его...

— Грамену. Доброму Грамену.

— Да-да. К нему. Это так?

— Совершенно верно. Ведь если натянуть на голову соответствующим образом выделанный бычий пузырь, одеться мешковато, сутулиться... понятно, да? С другой стороны, мало кто знает, что Грамен в тюрьме. Его арест держится в секрете по

неким государственным соображениям. Следовательно... что? Готовя налёт, преступники могли и не подозревать о том, что алиби их получится липовым. Здорово?

— Это, должно быть, очень неумелые преступники. Я бы так не прокололся.

— А вы умелый преступник?

— Пока не пробовал. Но, думаю, был бы умелый.

— Замечательная в своей простоте мысль. А умелым полицейским вы могли бы стать?

— В определенном смысле это легче. Полицейский всегда идёт следом.

— А вот и нет. Хороший полицейский должен уметь опережать на два шага любого преступника и в некоторой благородной расслабленности поджидать его там, где тот стремится скрыться. Логично?

— Да. Вполне.

— А чтобы опережать его, нужно что? Шевельнуть мозгами — раз. Отвлечь внимание преступника чем-то другим — два. Наконец, заставить преступника считать себя... в смысле — меня... да — полным идиотом с какими-то незначительными отклонениями от классического типа этого всемирного персонажа. Ну... не обязательно, скажем, пускать слюни... понимаете меня, да? Но привязаться в пивном погребе к двум

совершенно посторонним людям, да ещё с шумом арестовать их ни за что ни про что — это сыграет, как вам кажется?

— Вообще-то нам просто некогда, — сказал Алексей. — Мы хотим отбыть завтра же — с конвоем.

— И даже не «с», а «под», — энергично помахал пальцем шерифф. — Разумеется. Вы не опоздаете ни на минуту. Машину вашу как вещественное доказательство приобщат к колонне...

— А зачем всё это? — спросил Алексей. Саня посмотрела на него с тревогой.

— При ограблении эти негодяи застрелили шестерых. Из них только один был вооружен — охранник. Я уверен, и причины для этой уверенности у меня есть, что они скрываются в нашем городе. Скрываться же они могут только в одном случае: если угрожают кому-то из жителей. И мне очень не хотелось бы...

— Я даже знаю, кому, — сказал Алексей. — Аптекарю.

— Вот как? — шерифф приподнял бровь.

— Да. Мы заходили к нему... так... пятьдесят минут назад. Аптекарь нервничал страшно и всё пытался нас из аптеки выставить. И... как бы сказать... В общем, я почти всегда понимаю, один человек в доме или несколько. Так вот — было

несколько. Но на глаза показался только один. Очень испуганный.

— Интересно... — просвистел шерифф. — Аптекарь. Это интересно.

И он надолго задумался. Саня наконец перестала вслушиваться в разговор и отхлебнула портер, сильно отдающий жженым сахаром. Сухари, чёрные, с перцем и солью, были превосходны. Ей определенно нравилось здесь...

Она знала, что допускать этого нельзя — как нельзя, скажем, привязываться к человеку, которого намерена оставить. Но поделаться с собой ничего не могла.

— А вы бывали когда-нибудь снаружи во время Бала Демонов? — тихо спросила она шериффа. — Ведь могло оказаться так — по служебной надобности...

Шерифф покачал головой:

— Нет, добрая госпожа. Окажись я под небом в такой час и уцелей, меня тут же сместили бы из шериффов. Как моего предшественника, шериффа Авду. Таков закон. Суровый, но справедливый.

— Авда был шериффом? — удивилась Саня. — Вот никогда бы не подумала.

— Авда был замечательным шериффом. Таких просто не бывает. Мы много потеряли с его уходом... отстранением. Но иначе было нельзя. Хотя бы просто по соображениям справедливости.